

ЧАРЛЗ ТОДД

*Расследования инспектора
Скотленд-Ярда
Иена Ратлиджа*

ДАР МЕРТВЕЦА

Одна из лучших на сегодняшний день
детективных серий.

The Washington Post Book World

ПЕРЕВЕДЕНО НА 17 ЯЗЫКОВ МИРА

Чарлз Тодд

Дар мертвеца

Серия «Инспектор Иен Ратлидж»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8586454
Тодд Ч. Дар мертвеца: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05249-0, 978-5-227-05460-9

Аннотация

По заданию Скотленд-Ярда инспектор Иен Ратлидж отправляется в Шотландию на поиски следов пропавшей без вести Элинон Грей, дочери высокопоставленных родителей. Местный констебль обращается к нему с просьбой помочь в расследовании странного дела, организованного против Фионы Макдоналд. Фиону обвиняют в убийстве молодой женщины, предположительно Элинон Грей, и похищении ее ребенка. Ратлидж узнает в обвиняемой невесту своего погибшего друга Хэмиша Маклауда. В память о нем он дает себе слово спасти Фиону от виселицы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	31
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	70
Глава 7	94
Глава 8	113
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Чарльз Тодд

Дар мертвеца

Legacy of the Dead

Copyright © 2000 by Charles Todd

«Дар мертвеца»

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центр-
полиграф», 2014

* * *

Глава 1

Глазго, 1916 г.

Две молодые женщины, сидевшие в двуколке, испуганно прижимались друг к другу и, опасливо озираясь по сторонам, разглядывали грязную узкую улочку. В канаве храпел старый пьяница. По сторонам улицы тянулись высокие многоквартирные дома, уродливые, унылые, обветшалые. Ничто не радовало глаз, повсюду отчаяние, мрак и нищета.

– Какое ужасное место! – воскликнула одна из них, чуть постарше на вид.

– Вы совершенно уверены, что нам нужно именно сюда? Как-то не верится, чтобы здесь... – Девушка, правившая двуколкой, растерянно смолкла и опустила вожжи.

Вместо ответа ее спутница достала из сумочки помятый лист бумаги, разгладила его и в очередной раз прочла адрес. Губы у нее дрожали, ее всю трясло и мутило.

– Смотрите сами. Ах... – Листок выскользнул из пальцев. Ей удалось схватить его в самый последний миг, иначе он упал бы в вонючую сточную канаву.

И улица, и дом были те самые, в поисках которых они больше часа колесили по городу.

Тишину нарушал только шелест дождя, где-то вдали просвистел паровоз. Лошадь терпеливо переминалась с ноги на ногу.

– Пожалуйста, не забудьте, – еле слышно продолжала старшая путешественница, – меня зовут миссис Кук. А вас – Сара. У мамы была экономка, которую звали миссис Кук. И швея по имени Сара. Так мне будет легче... – Она посмотрела на дом. – Какое жуткое, Богом забытое место!

– Для меня главное – помнить, как вас сейчас зовут. Но я уже привыкла – ведь я так обращаюсь к вам целый день. Миссис Кук... Не бойтесь так, пожалуйста... а то вы себя до болезни доведете!

– Да. – «Миссис Кук» сбросила намокшую накидку, прикрывавшую колени.

Лошадь фыркнула и помотала головой.

Наконец «миссис Кук» сжала руку своей спутницы:

– Сара, пора... Надо идти.

Путешественницы с трудом спустились на мостовую. Две прилично одетые молодые женщины выглядели здесь совершенно неуместно, и обе это прекрасно понимали. От сточных канав тянуло нечистотами, из открытых окон и дверей пахло переваренной капустой и дымом. От грязных мокрых мостовых шел пар... Миазмы большого города.

Они поднялись на крыльцо. Им пришлось переступить через старую газету и бурую, совершенно размокшую мешковину, под дождем превратившуюся в кашу. Они открыли дверь и увидели перед собой темный туннель. Грязная, заваленная всякой дрянью прихожая показалась молодым женщинам дорогой в ад.

Квартира, которую они искали, находилась за второй дверью слева; на двери они увидели грязную карточку с едва различимой надписью «Номер третий». Они робко постучали, кто-то крикнул: «Войдите!» Они очутились в пустой комнате с высоким потолком, но без окон, в которой стояло с полдюжины поломанных стульев. Здесь было сыро, пахло табачным дымом и пивным перегаром, на их придиричивый взгляд, это помещение много лет не убирали.

Еще одна дверь вела в смежную комнату, из-за двери доносился плач.

Женщина постарше схватила свою спутницу за руку и прошептала:

– Фи... то есть Сара... меня сейчас стошнит!

– Нет, вам это только кажется... от страха. Не бойтесь... Вот, посидите. – «Сара» быстро придвинула своей спутнице самый лучший стул, а потом выбрала сиденье для себя. Стул сильно шатался.

Трудно сказать, в какой цвет были когда-то выкрашены стены и потолок в комнате – краска облупилась, сыпалась на пол, отчего казалось, что пол в комнате пятнистый. Старый коричневый ковер посередине казался таким же безнадежно унылым, как и вся обстановка.

Старшая из двух женщин снова задрожала:

– Я не просто боюсь... я в ужасе!

– Все будет хорошо... вот погодите, сами увидите. – То была ложь во спасение, что прекрасно понимали обе женщины.

ны.

Некоторое время они молча сидели рядом, держась за руки. За стеной по-прежнему кто-то плакал, над головой раздавались шум и грохот, как будто двигали мебель. Обе вздрогнули, когда услышали из коридора грубый мужской голос.

Минуты тянулись томительно медленно. Женщины не сводили взгляда с двери, ведущей в смежную комнату. Так прошло полчаса. «Сара» неожиданно для себя пожалела о том, что дверь все не открывается, хотя и боялась того, что ждало их там. Они уже так долго сидели в «номере третьем» – почему же никто не вышел и не заговорил с ними? Им велено было приехать ровно к двум...

Почему плач не прекращается?!

Неожиданно спутница «Сары» встала.

– Нет, не могу! – заплетающимся языком произнесла она еле слышно, но ей самой показалось, что ее голос прозвучал оглушительно громко.

– Надо! Ведь если вы... не доведете дело до конца, он вас убьет!

– Лучше я сама себя убью. Ах, господи, я не могу до конца жизни вспоминать это жуткое место, просто не могу... Зря мы сюда приехали... Я хочу домой! Сара... отвезите меня домой, ради всего святого, отвезите меня домой!

«Сара» сочувственно посмотрела на спутницу и спросила:

– Вы уверены? Нам не придется возвращаться сюда? Во второй раз мне вряд ли удастся взять двуколку, не возбудив

ничьих подозрений.

– Нет... поскорее отвезите меня домой!

«Миссис Кук» била дрожь, она была подавлена: выходит, в конце концов ей не хватило духу пройти через этот ужас. Спутница положила руку ей на плечо. Едва они вышли в коридор, «миссис Кук» вырвало, несколько минут она стояла, скрючившись от боли. Ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание от слабости и упадет. Голова кружилась, всхлипывая, она прижалась лбом к грязной стене, радуясь, что она такая прохладная.

Из-за других дверей доносились слегка приглушенные голоса, потом они услышали детский плач и грубую брань. Какая-то женщина фальшивя напевала грустную песенку, мяукала кошка, где-то звенела посуда. Издали доносились глухие удары, как будто кто-то выбивал ковер. К счастью, в коридор никто не вышел. И все же могли выйти... в любую минуту...

– Вы сможете дойти до двуколки? – тихо спросила «Сара».

– Попробую... я должна дойти... – Женщина постарше с усилием выпрямилась и вытерла губы платком. – Жаль, что я вообще сюда приехала... жаль, что узнала о таком месте и увидела его! Если бы я умерла, как... я смотрела бы ему в глаза с таким грехом на душе?

– Он бы понял. Обязательно понял. Вот что отличало его... бедного... от других.

– Да. – Они взялись за руки, поддерживая друг друга, и

медленно зашагали прочь из этого ужасного места. Но едва они достигли двери, она вдруг распахнулась, и в коридор ввалился мужчина, от которого разлило потом и пивом. Увидев их, он сначала многозначительно ухмыльнулся, а затем принялся пожирать их взглядом. Должно быть, здешние жильцы знали, что происходит в «номере третьем». «Сара» невольно вспыхнула от смущения. Но мужчина придержал для них дверь и пропустил, не причинив им беспокойства.

На то, чтобы забраться в двуколку, у женщины постарше ушли все силы. Она почти упала на сиденье, неловко завалилась на бок и уцепилась за край двуколки. «Сара» бережно укрыла ее ноги накидкой и посмотрела с сочувствием.

Что им делать? Что же им теперь делать?!

Она села рядом, но, вспомнив, что забыла отвязать лошадь, снова спустилась на землю. На улице показались прохожие, шлепая по лужам, они спешили мимо. Головы у всех были опущены. Трое детей, грязные и тощие, бежали куда-то по своим делам, но остановились поглазеть на нее. Они сразу увидели, что две женщины здесь чужие. Внезапный порыв ветра взметнул юбки «Сары», у мужчины, шедшего по улице, с головы сорвало шляпу, и та волчком покатилась по улице. Дождь усилился, торопясь влезть в двуколку, «Сара» больно ударилась ногой о колесо. Готовая расплакаться, она взяла поводья и велела лошади:

– Ну, пошла!

Возвращаться туда, откуда они приехали, пришлось очень

долго. Они замерзли, вымокли и проголодались. Время от времени «Сара» косилась на свою спутницу. Она заметила, что та тихо плачет, закрыв глаза и прикусив нижнюю губу.

«Не знаю, что бы я сама чувствовала на ее месте, – подумала «Сара». – Она боится... Сердце у нее разбито... Ничего, я что-нибудь придумаю. Помоги мне, Господи, я должна что-то придумать! Во второй раз мы сюда уже не приедем. У нас просто не хватит сил!»

До места назначения они добрались почти к ночи. Небольшой городок окутала мгла, было тихо, только где-то вдали лаяла собака, шелестел ветер, огибая церковную колокольню и надгробные плиты на кладбище, – он будто сообщал мертвецам последние новости, подумала «Сара», направляя старую лошадь к конюшне.

«Я так устала, что мне мерещится всякая чертовщина», – устало подумала женщина.

Она в сотый раз покосилась на свою спутницу. Глаза ее по-прежнему были закрыты, но она не спала.

– Приехали, – негромко сказала «Сара», стараясь не напугать женщину. Они могли бы отдохнуть в каком-нибудь пабе или гостинице, где останавливались путники попри личнее, но боялись, что их увидят, узнают. И кто-то непременно задумается, почему они возвращаются из Глазго, где им совсем не положено находиться.

– Да. – Спутница «Сары» открыла глаза, увидела кладбище и вздрогнула. Холодные белые надгробные плиты как

будто тыкали в нее пальцами. – Я жалею, что тоже не умерла!

Глядя на тропинку между плитами и представляя себя на месте «миссис Кук», молодая женщина с бесконечной грустью прошептала:

– И я.

Глава 2

Данкаррик, 1919 г.

Письма начали приходить в середине июня, в каждом из них было всего по несколько слов, нацарапанных паршивыми чернилами на дешевой бумаге.

Фиона так и не узнала, кто получил первое письмо. Точнее, вначале она долго не понимала, почему жители городка вдруг так переменялись к ней. Неожиданно ее соседки стали уходить в дом, не окончив вешать белье или обрезать кусты, стоило ей выйти в огород. С ней перестали дружелюбно здороваться через забор. Никто не приносил цветы для украшения общего зала, никто не угощал ее мальчика сладостями. Встретившись с ней на улице, местные жители отворачивались. Не здоровались, столкнувшись в магазине. И посетителей в баре было все меньше. Завсегдатаи, прежде часто заходившие выпить кружку пива и просиживавшие в общем зале до ночи, отворачивались и быстро проходили мимо «Разбойников». Такая перемена пугала Фиону. Она не понимала, в чем дело, никто ничего ей не объяснял. Вот уже в сотый раз Фиона пожалела о том, что ее тетки нет в живых.

Алистер Маккинстри, молодой констебль, изумленно покачал головой, когда Фиона спросила у него, что она сделала дурного и чем обидела местных жителей.

– Наверное, я допустила ошибку в чем-то, – продолжала

она. – Произошло недоразумение... А может, не выполнила какое-то обещание... Но какое? Сколько ни думаю, ничего такого не могу за собой вспомнить!

Маккинстри тоже замечал, как переглядываются жители Данкаррика за спиной Фионы.

– Не знаю. При мне ничего такого не говорят... От меня как будто тоже отгородились.

Маккинстри криво улыбнулся. Многие в Данкаррике знали, какие чувства он к ней испытывает.

– Фиона, наверняка дело пустяковое. На вашем месте я бы не принимал это близко к сердцу.

Его слова совсем не утешили ее. Она уже приняла случившееся близко к сердцу и гадала, за что местные жители так ополчились против нее. Что плохого она им сделала?

В первое воскресенье июля старуха, которая всегда сидела в церкви в самом последнем ряду, злобно зашипела на Фиону, увидев, как они с мальчиком направляются на свое привычное место. И хотя за звуками гимна она не разобрала слов, по губам поняла, что старуха обозвала ее распутницей. Фиона покраснела, а старуха злорадно ухмыльнулась беззубым ртом. Она хотела сделать ей больно, и ей это удалось.

За бойкотом последовали открытые угрозы.

В то утро священник читал проповедь о Руфи и Марии Магдалине. Доброй, честной женщине, которая не отходила от свекрови, и распутнице, чьи грехи простил Христос.

Священник, мистер Эллиот, не скрывал, кому бы он отдал

предпочтение на месте Христа. Его грубый, громкий голос чеканил: «Порядочные женщины – драгоценность в глазах Господа. Скромность – вот их отличительная черта. Такие женщины знают свое место, и души их неподвластны греху». Простить грешницу способен только сам Христос, по его же мнению, она не заслуживает спасения.

«Похоже, мистер Эллиот считает, что лучше Всевышнего знает, как надо поступать с грешниками, – подумала Фиона. – Его бы воля, он бы приказал побивать их камнями!» В подобных вопросах взгляды у священника были вполне ветхозаветные. Фионе так и не удалось проникнуться теплыми чувствами к недоброжелательному, самодовольному пастырю. За все три года, что она прожила в Данкаррике, ей не удалось обнаружить в мистере Эллиоте ни грана великодушия или сострадания. Даже когда умирала ее тетка, мистер Эллиот не давал тяжелобольной женщине покоя. Он все допытывался, во всех ли грехах она покаялась и все ли были прощены. Напоминал ей о демонах и адском пламени. Поняв, что он не способен дать умирающей утешение, Фиона выставила его за дверь. Сидя в церкви, она вдруг подумала: наверное, этого ей мистер Эллиот так и не простил.

Священник все больше распалялся, и Фиона то и дело ловила на себе осуждающие взгляды, которые бросались украдкой. Она знала, о чем думают ее соседи. Мистер Эллиот намекал на то, что в Данкаррике есть своя Мария Магдалина, своя распутница. Но почему? Из-за ребенка?

Фиона ничего не понимала. Когда она переехала жить в Данкаррик, соседям сообщили, что она вдова, ее мужа убили на войне. Даже тетка, стойкая сторонница приличий, крепко обняла ее и заплакала. Потом она повела ее знакомиться с соседями, не переставая причитать, как жаль, что мальчик растет без отца, и недобрым словом поминала бои во Франции, унесшие жизни стольких добрых людей.

Фиона была не единственной молодой вдовой в Данкаррике. Почему же именно ее выбрали для порицания? Почему все вдруг, к тому же без объяснения, так озлобились против нее? С 1914 года она ни разу не взглянула на другого мужчину. Ей не нужен был никто другой на месте того единственного, которого она навсегда потеряла.

На следующее утро местная прачка миссис Тернбулл оставила ее у входа в мясную лавку, потрясла перед ее лицом каким-то конвертом и осведомилась, как ей хватает наглости разгуливать среди добропорядочных людей, подвергая опасности их души.

Фиона выхватила письмо из красных дрожащих пальцев прачки, достала из конверта листок бумаги и прочла:

«Вы стираете ее вещи? Простыни, замаранные ее грехами, покрывала, которых касалась ее мерзкая плоть? Подумайте о своей душе!»

Письмо не было подписано...

От изумления и ужаса сердце Фионы замерло в груди. Она перечитала письмо, и ее замутило. Миссис Тернбулл злорадно смотрела на нее в упор. Ей как будто доставляло наслаждение причинять Фионе боль.

– Мои вещи вы не стираете... – начала Фиона, но тут же сообразила, что это не имеет никакого значения.

Кто мог такое написать?

Сколько злобы! Откровенная злоба ошеломила молодую женщину.

«...простыни, замаранные ее грехами... ее мерзкая плоть...»

Правда, нигде не указывалось ее имени...

Тогда почему миссис Тернбулл решила, что автор письма имеет в виду Фиону? С чего она взяла, что упомянутая грешница – именно Фиона? Потому что Фиона не прожила в Данкаррике всю жизнь? Потому что ее тетка умерла и ей приходится одной управляться в пабе, без компаньонки, без дуэньи? Как будто ей нужна дуэнья! Может быть, здесь считают, что неприлично порядочной молодой женщине самой стоять за стойкой? После войны дела шли не очень хорошо, и они не могли себе позволить нанять помощника...

– Какая ерунда... и сколько злобы! – воскликнула Фиона. – Откуда это у вас?

– Оно лежало у моей двери, под ковриком, – злорадно ответила миссис Тернбулл. – Кстати, я не первая получила такое письмо... И не последняя! Вот погодите – и увидите!

«Не первая... И не последняя...» Значит, были и другие письма! Фиона ничего не могла понять. Неужели все, кто отвернулся от нее, получили такие же злобные анонимные послания? Но как они могли поверить? Почему никто не пришел к ней, не спросил, правду ли пишут в письмах... А ведь многие соседки были ее приятельницами...

Прачка выхватила у Фионы письмо и зашагала прочь, всем своим видом выражая превосходство. Она была недалекая женщина, известная религиозным фанатизмом. Вот почему она набралась смелости и выплеснула на Фиону свой гнев. И страх.

Подобно старухе, сидевшей в последнем ряду в церкви, миссис Тернбулл выразила общее настроение толпы.

В конце июля к Фионе пожаловал страж порядка. Констебль Маккинстри неловко переминался на крыльце с ноги на ногу и покраснел – в форме ему было жарко.

– Не закрывайте дверь перед моим носом, – умиротворяюще начал он. – Я пришел спросить вас... кое-о чем... Речь пойдет о вашем мальчике. Ходят... кхм... в общем, ходят слухи, и я не знаю, что делать.

Фиона вздохнула:

– Входите. Я видела одно из писем. Во всех написано одно и то же, да? Что я – падшая женщина?

Констебль быстро посмотрел по сторонам и, все еще не переступив порога, тихо сказал:

– Те письма – настоящая мерзость, вот что. Мне недавно показали несколько штук. Вряд ли вам захочется знать, что в них написано. Трусливые... без подписи... написаны с целью жестоко оскорбить. Помяните мое слово, их писала женщина, женщина, которой больше нечем заняться, кроме как будоражить всех своими измышлениями.

– Алистер, похоже, все мои соседи верят тому, что написано в письмах. Не знаю, как положить этому конец. Люди шепчутся у меня за спиной... наверное... но никто не подошел ко мне и не спросил прямо. Со мной никто не разговаривает, я как будто стала невидимкой.

– По-моему, вам лучше просто переждать. Ничего не предпринимайте. Пройдет неделя-другая, и все постепенно успокоится. – Маккинстри откашлялся. – Я пришел к вам не из-за писем... точнее, не совсем из-за писем. Фиона... в городе ходят слухи, что мальчик... не ваш.

– Не мой? – Она нахмурилась и посмотрела на него в упор. – Если я падшая женщина, как он может быть не моим? Ведь меня, кажется, обвиняют именно в распутстве!

– Повторяю, я пришел не из-за писем. Меня не волнует злобная чепуха, которая в них написана. Нет, меня к вам привело другое дело. Оно настолько серьезно, что им занимается полиция. – Маккинстри замялся, подыскивая нужные слова, ему было очень не по себе. – Есть подозрение, что... одним словом... что вы забрали чужого ребенка... а его мать убили.

Он увидел ужас в ее глазах. Фиона смертельно побледнела.

– Я вам не верю! – прошептала она. – Нет, не может быть... Снова злобные сплетни!

– Фиона, – взмолился Алистер, – меня прислал сюда мистер Робсон! Учтите, я не хотел идти. Он сказал: «Действуйте без шума. У вас получится лучше». Но я не знаю, как приступить к делу...

Мистер Робсон был главным констеблем – начальником местной полиции. Значит, все в самом деле очень серьезно.

Неожиданно Фиона сообразила, что они так и стоят в дверях, где их могут увидеть соседи.

– Входите. В пабе никого. Сюда больше никто не заходит.

Фиона провела Маккинстри по проходу, ведущему в жилое крыло, пристроенное сто лет назад. Она поселилась здесь незадолго до смерти тетки. И сама управлялась со всеми делами с того времени, как тетка заболела, и до того, как в июне к ней перестали ходить.

Констебль шел за ней, любуясь ее осанкой и тонкой талией. Думая о том, что ему предстоит, он с трудом преодолевал отвращение. Он снял фуражку и тяжело вздохнул. Его сапоги грохотали по деревянному полу. Казалось, что воротник мундира слишком тесен ему и душит.

В комнатке, служившей ей гостиной, Фиона жестом указала констеблю на лучшее кресло.

– Я никому не сделала ничего плохого, – сказала она. – И

обвинять меня в таком преступлении – настоящее безумие!

– Откровенно говоря, мне и самому не по душе то, что у нас сейчас творится! – Констебль отвернулся и посмотрел на часы, уютно тикавшие в углу. Садиться ему не хотелось, но и стоять столбом было неловко. Он обязан сделать то, ради чего его сюда прислали. – Говорят, что... – У него перехватило горло.

– Что говорят? Не бойтесь, досказывайте остальное!

Маккинстри густо покраснел:

– ...будто вы не были замужем. Что ваше имя не миссис Маклауд, поскольку замуж вы не выходили. – Констебль словно в омут кинулся, торопясь закончить неприятную обязанность: – Будьте добры, покажите ваше свидетельство о браке. Оно сразу прекратит все пересуды, больше мне ничего не нужно.

Фиона уже давно нравилась Алистеру Маккинстри. Ей даже казалось, что констебль влюблен в нее. Взглянув на него, она поняла – должно быть, это правда.

В гостиную вошла кошка, потерлась о его ноги, оставив на темной материи несколько волосков. Белые на синем. Фиона услышала мурлыканье. Кошка всегда выделяла Алистера. Если бы он сел в кресло, она бы тут же запрыгнула к нему на колени и с самым безмятежным видом понюхала бы его подбородок.

Фиона опомнилась. В конце концов, Маккинстри не просто мужчина. Он – полицейский.

– А кому какое дело, если я родила ребенка вне брака? – спросила она. – Я ведь никому не сделала ничего плохого. И не я первая любила, пока могла! Война косила без жалости – таких юных, что многие, умирая, звали матерей. От кого у меня ребенок – мое личное дело. Объясните, почему мы вдруг стали вызывать всеобщее внимание?

На его вопрос она не ответила, но ее слова были равносильны признанию. Алистер опечалился.

– В таком случае... – негромко продолжил он, – вам придется доказать, что мальчик ваш. Вы согласны пойти к врачу? Он осмотрит вас и даст заключение, рожали вы или нет...

Фиона посмотрела на него в упор. Она не отвечала, но по ее лицу он понял все. Помолчав, он продолжил:

– Если вы не рожали ребенка, откуда он у вас? Вот в чем вопрос, Фиона! Многие считают, что его мать похоронена где-то здесь, в пабе, – скорее всего, в погребке... Что вы убили ее, ребенка забрали, а ее похоронили там, где ее не найдут.

– В пабе?! – Она недоверчиво посмотрела на него. – Здесь? Да ведь я приехала в Данкаррик уже с мальчиком. Как я могла убить его мать, да еще похоронить ее здесь? Полная нелепость!

– Так и я им говорил. Объяснял, что тогда ваша тетка была жива и ни за что не стала бы участвовать в таком злодеянии. Но они не желают меня слушать.

– Кто такие эти «они», которые обвиняют меня? Я имею

право знать!

– Мистер Эллиот видел несколько писем из тех, что присылали его прихожанам...

– И промолчал? Он ни разу не подошел ко мне, не спросил, правда ли там написана!

– Знаю, Фиона. Мистер Эллиот поступил неправильно, он должен был сделать выговор тем, кто обращает внимание на такие письма. Он ведь обладает некоторым влиянием...

– Я не хотела бы, чтобы он делал кому-то выговор... Он должен был объявить, что в письмах нет ни слова правды! И сказать мне, что сам он не верит наветам! Он должен был прийти ко мне, показать всем, что считает меня добропорядочной женщиной! Вот что стало бы для меня подлинным утешением, Алистер! А он, наоборот, отвернулся от меня!

– Согласен, Фиона... Но послушайте, три дня назад священник тоже получил письмо – его прислали по почте, а не подбросили на порог. Оно не похоже на другие. В нем вас не обвиняли, а, наоборот, пытались выгородить. В письме говорится, что вас нельзя считать... м-м-м... падшей женщиной, что вы ни разу не были замужем и у вас нет своих детей. Судя по всему, письмо писала женщина. Она, похоже, хотела развеять все слухи и пересуды. Она пишет, что, к сожалению, настоящая мать мальчика не может подтвердить ее слова. Мать умерла вскоре после родов, а вы забрали ребенка себе. Автор письма клянется, что не знает, где вы похоронили мать. И в конце утверждает – ваша тетка была обманута

и в происходившем никакого участия не принимала.

Фиона сглотнула подступивший к горлу ком, который, казалось, вот-вот ее задушит. Стараясь говорить твердо, собрав всю свою волю, она спросила:

– То письмо... тоже не подписано, как остальные? Или его подписали?

– Нет. Написавшая письмо объяснила, что боится называть себя. Она держала язык за зубами ради вашей тетки, хотя точно знала, что Эласадж Маккаллум обманули. И еще она боится, что теперь на нее подадут в суд.

– А адрес есть? – спросила Фиона, затаив дыхание. – Откуда пришло письмо?

– На конверте стоит штемпель Глазго, но это отнюдь не означает, что письмо не написано кем-то из местных. Его ведь можно было отвезти в Глазго и бросить там в почтовый ящик, верно? Автор может жить в Ланарке... Инвернесе... – Констебль опустил голову и посмотрел на свои сапоги, поэтому не заметил, как изменилось выражение лица Фионы. Он нагнулся, собираясь погладить кошку, но передумал и, выпрямившись, с серьезным видом продолжил: – Мистер Эллиот пошел прямо к главному констеблю. Наш главный констебль не тот человек, который приветствует анонимные письма и всякие там слухи. Он велел инспектору Оливеру выяснить, в чем дело. Инспектор Оливер приказал мне зайти к вам и осмотреть дом... Фиона, я должен проверить, не проводились ли здесь за последние несколько лет

какие-то работы... Может быть, где-то меняли фундамент, сносили стены, ремонтировали погреб...

– Никаких работ у нас не велось с самого четырнадцатого года, с начала войны. Питер, старик, которого моя тетка занимала мастером, может подтвердить это...

– Он уже подтвердил. Его допрашивал инспектор Оливер. То же самое говорят ваши соседи. С другой стороны, мертвую женщину наверняка хоронили бы втайне. Вы ведь не сказали бы Питеру, если бы где-то здесь был спрятан труп. Да и тетке тоже – как утверждается в письме.

– Неправда! И... как-то глупо! Я приехала сюда с мальчиком... Подумайте, каким образом я привезла бы в Данкаррик его умершую мать? В дорожном сундуке? На задке экипажа? Притащила на плече? – с горечью спросила Фиона. Ей стало страшно.

Маккинстри поморщился:

– Мистер Робсон учел то, что вы сейчас говорите. По его мнению, мать могла прийти в себя после родов и захотела забрать мальчика. Она приехала сюда, а вы... сделали все, чтобы ребенок остался с вами. Я получил приказ...

– Теперь паб принадлежит мне. И я не допущу, чтобы его разносили на части в поисках трупа. Никаких мертвецов здесь нет!

– Фиона, я обязан провести обыск, иначе вместо меня пришлют другого констебля с ордером на обыск и топором. Пожалуйста, разрешите мне хотя бы обойти все помещения

и собственными глазами убедиться в том, что искать у вас нечего!

– Нет!

Испугавшись ее крика, кошка сжалась и спряталась за тяжелыми шторами у бокового окна.

– Фиона...

– Нет!

Ему нелегко было убедить ее в том, что он – меньшее зло и ради своей же пользы она должна позволить ему обойти паб. Он осмотрит только те помещения, куда Фиона его пустит, и будет действовать крайне осторожно. Когда она наконец нехотя согласилась, Маккинстри мягко произнес:

– Извините. Мне так жаль!

Она сделала вид, что не слышит. С холодностью, какую он никогда раньше в ней не замечал, Фиона провела его по всему жилому крылу. Завела во все комнаты, даже в ту, где в кроватке спал мальчик, подложив руку под щеку. Потом они направились в старую часть дома. В свое время здесь хозяйничал ее двоюродный дед, потом тетка, а теперь вот она сама. Они осмотрели общий зал, бар, кухню, погреб и номера, приготовленные для проезжающих и жителей окрестных городков, которые останавливались здесь в базарные дни. Поднялись на чердак, где пыльный пол загромождали коробки и сундуки, осмотрели старую мебель, забытые детские вещи, из которых владельцы давно выросли, – словом, пожитки семьи, которая на протяжении многих поколений жила

под этой крышей. Спустились в погреб, где на полках еще хранились вино, пиво и эль – никто не заходил его выпить. Кухня, кладовая, закуток бармена и погреб оказались почти пусты. Ни мешков с мукой или картошкой и луком, ни банок с мармеладом или заготовками овощей, выращенных на огороде.

Маккинстри старался осматривать все тщательно, но не обижая Фиону. Он осторожно простучал стены, потопал по половицам, заглядывал в трубы и выдвигал ящики в самых больших комодах и шкафах, открывал сундуки и принимался к их заплесневелому содержимому. Он старательно делал дело, не выдавая своего состояния, не позволяя страданию отражаться на лице.

Когда Алистер собрался уходить, она проводила его до крыльца и захлопнула дверь, не дав ему сказать спасибо и попрощаться.

Оставшись одна, Фиона прижалась лбом к тяжелой дубовой двери и закрыла глаза. Вскоре проснулся малыш и стал шепелявя напевать себе под нос песню шотландских горцев, которой его научила Фиона. Она велела себе встряхнуться и крикнула:

– Иду, милый!

Но прошла еще минута, прежде чем она начала подниматься по лестнице.

Неизвестно, что Алистер Маккинстри доложил начальству, но через две недели к ней снова пришли. Инспектор

Оливер захватил с собой сержанта Янга и обоих констеблей – Маккинстри и Прингла. Инспектор показал ей ордер на обыск. По его словам, Маккинстри, боясь ее обидеть, забыл осмотреть надворные постройки.

Фиона, раздираемая страхом и отвращением, разрешила им искать где угодно и как угодно, захлопнула перед ними дверь и увела ребенка подальше.

Кости нашли в конюшне на заднем дворе, они были хорошо упрятаны между задней стеной и небольшим помещением, в котором раньше жил содержатель конюшни. Необычно толстый слой штукатурки в одном месте заметил инспектор Оливер. Он простучал то место молотком, понял, что там пустота, и постучал снова, с интересом наблюдая, как крошится штукатурка. Подозрительный по натуре, он зашел в пыльную комнатку по другую сторону стены и обнаружил, что встроенный шкаф не такой глубокий, как казалось снаружи.

После того как снесли перегородку, из-за нее выкатился череп, а затем и другие кости, запрятанные в длинное узкое место. Череп лежал на земляном полу и скалился, констебль Маккинстри с трудом удержался, чтобы не выругаться.

Судя по прядям длинных волос, сохранившихся на черепе, останки определенно принадлежали женщине.

Арестовали Фиону в конце августа.

Кости, найденные в конюшне, послужили поводом для нескольких новых версий. Инспектор Оливер старательно изучал прошлое Фионы, стараясь не упустить ни единой детали. Ему удалось кое-что выяснить, новые сведения подтверждали версию, которая казалась ему неопровержимой. Посоветовавшись с главным констеблем, прокурор счел нужным возбудить уголовное дело по обвинению в убийстве.

Фиона нашла людей, которые согласились присмотреть за мальчиком, и с болью в сердце отправилась в тюрьму. Она точно не знала, кто ее враг и как ему или ей удалось так ловко накинуть петлю ей на шею. Одно было ясно. Кто-то очень хорошо подготовился и проделал все весьма искусно. Кому-то понадобилось ее убить, причем сделать это враг задумал руками представителей закона...

Кто-то ее очень сильно ненавидит.

Но кто?

Спросить можно лишь одну персону, но к ней Фиона ни за что не обратится за помощью. Даже если ей будет грозить виселица.

В свое время она дала слово и не могла его нарушить.

По ночам она плакала из-за мальчика. Она очень любила его и не стыдилась своих чувств. Что ему теперь скажут о женщине, которую он считал своей матерью? Кто позаботится о нем, кто защитит его, если ее не будет рядом?

Одиночество стало почти невыносимым. Одиночество и праздность. Фиона не привыкла целыми днями сидеть в ти-

шине, когда нечем скоротать время, когда нет ни книги, ни швейной иглы. Еще в детстве, живя в доме деда, она много читала, шила или писала письма. Теперь ей некому писать. Где те многие, кто называли себя ее друзьями, кто привечал ее сначала ради тетки, а потом и ради нее самой? Никто из них не навестил ее, она не услышала ни слова ободрения. Фиона поняла, что все ее бросили. Она сожалела, что нет рядом тетки, которая утешила бы ее.

Ей прислали адвоката, но ему она не поверила. Глядя в его узкие глазки, она поняла, что с ним надо вести себя очень осторожно. Он не из тех, кто доверяет женщинам.

Глава 3

Лондон, 1919 г.

Стоя на дороге, он смотрел на кладбище за низкой каменной оградой, на пологом склоне холма. Ночью прошел дождь, мокрые надгробные плиты чернели в бледном утреннем свете.

Сердце у него билось учащенно. Надгробные плиты притягивали его как магнит. Неожиданно для себя он обнаружил, что пытается разобрать написанные на них имена, зная, что среди них должно быть одно знакомое. Потом он усилием воли заставил себя отвернуться и посмотрел на колокольню, еще окруженную низкими дождевыми облаками, и на высокие окна над дверью. Ему хотелось верить, что он находится перед церковью в Банкоме, в графстве Корнуолл, хотя он понимал, что это невозможно. Он пробовал убедить себя, что стоит рядом с французским кладбищем, но и это тоже было неправдой.

Его отвлекло какое-то движение, и вдруг в тени у церковной двери он увидел девушку. Обеими руками она несла большую охапку цветов. Когда девушка подошла поближе, он заметил, что она смотрит на него. Как будто ждала, что он окажется здесь. Как будто знала, что он в конце концов придет.

Он сразу узнал девушку, хотя лицо ее было скрыто в по-

лумраке. В ее глазах читалось такое горе, что ему стало не по себе.

Придя в ужас, он хотел отвернуться, но не смог. Ноги словно приросли к месту, ее взгляд парализовал его.

Девушка приближалась к нему по дорожке. Что-то принесла и показала рукой куда-то вбок, на могилу. Но никакого тела под холмиком бурой земли не было – это он понял сразу.

Она плакала, но ненависти в ее лице он не заметил. Ему показалось, что он сумел бы вынести от нее все, даже ненависть... но только не жалость.

Он зашагал ей навстречу – как будто по ее, а не по своей воле, она притягивала его. Он не мог оторвать взгляда от большой охапки цветов, которые она несла на могилу. Его тянуло к могиле. Девушка принесла так много цветов – они вдвоем должны были разложить их, прикрыть уродливую землю. Он отчетливо увидел могильный холм – голый, лишенный красоты, благодати и милосердия времени. Он быстро отвел глаза. Еще один шаг – и он прочтет имя на надгробной плите, но этого он уже не вынесет...

Иен Ратлидж проснулся резко, как от толчка, и хрипло выдохнул.

Он сидел на кровати, подтянув колени к груди, весь в поту, в ужасе, ошеломленный тяжелой, удушающей, ослепляющей чернотой, окружавшей его со всех сторон.

В отчаянии он поднес ладони к лицу, желая убрать вязкую черную грязь, облепившую его, и коснулся... нет, не жирной окопной грязи, а своей чистой кожи.

Удивленный, растерянный, он стал соображать. Если он не во Франции, то где? Похлопав вокруг себя руками, он нащупал простыню... подушку... Он в клинике?

Когда глаза привыкли к непроницаемому мраку, он сумел кое-как разглядеть очертания окружавших его предметов. Дверь... зеркало... столбик кровати...

Ратлидж выругался.

«Я спал! Спал дома, в своей постели... и видел сон...»

Прошло еще несколько минут, прежде чем живой, яркий сон поблек и ему удалось немного отдалиться от всепоглощающего ужаса, охватившего его во сне. У него в подсознании проснулся Хэмиш, заворочался, громко заворчал... Его ворчание напоминало раскаты грома... или канонаду... Хэмиш что-то говорил, хотя Ратлидж отказывался его слушать. Хэмиш снова и снова повторял одно и то же.

Нашарив спички, Ратлидж зажег свечу на столике рядом с кроватью, затем встал и включил свет. На высоком потолке замерцала голая лампочка, в темноте она казалась особенно яркой. Ратлидж радовался свету, который нес с собой ощущение реальности, прогоняя ночь и страшный сон.

Он загасил свечу пальцами, посмотрел на часы, лежавшие рядом с медным подсвечником. Без пяти три. Во Франции он часто засыпал, сжимая в руке огарок свечи. Незажженный

– зажигать свечу в окопе было бы безумием – огарок служил символом света. И теперь, вернувшись домой, он по-прежнему держал свечу рядом с кроватью как талисман.

«Я в Лондоне, а не на фронте, и никакой земли у меня над головой нет...»

Он снова и снова повторял одно и то же, вызывая к своему здравому смыслу.

Его окружают знакомые, привычные вещи: резной шкаф у двери в гостиную, зеркало – глядя в него, он по утрам завязывает галстук, кресло, в котором сживал еще его отец, высокие столбики кровати – в ней он спит с детства, шторы винно-красного цвета – их ему помогала вешать сестра. Все такое родное и привычное! Мебель и вещи сохранились с довоенного времени, как и его квартира. Здесь он словно в крепости, которая защищает его от военного ада. Его квартира как будто обещала, что когда-нибудь он снова станет прежним.

«Я слишком много работаю», – подумал Ратлидж, прошел к окну между кроватью и высоким комодом, остановился у стола и раздвинул шторы. Над Лондоном нависли грозовые тучи – серые, нагоняющие тоску. Он отвернулся, и шторы снова сомкнулись. «Франс права, мне нужно отдохнуть. Я отдохну, и все прекратится».

Его сестра Франс выразилась вполне недвусмысленно: «Иен, вид у тебя ужасный! Ты устал, исхудал и по-прежнему совсем не похож на себя. Попроси у своего старикашки Бо-

улса, чтобы дал тебе отпуск. С самого первого дня, как ты вернулся в Скотленд-Ярд, ты работаешь за десятерых, а ведь врачи ясно сказали...»

Да, врачи много чего ему говорили. Но работа помогала ему забыться... пусть и не всегда.

«Неправда, такое не забывается, – возразил Хэмиш, который неустанно ворочался у Ратлиджа в подсознании. – Иногда... довольно редко... на месте воспоминаний появляется только пустота...»

– Я и на это соглашусь. Когда я так устаю, что валюсь с ног, наступает покой... точнее, наступал, – поправился Ратлидж. Повинуясь давней привычке, Иен отвечал вслух мертвецу, слышать которого мог только он. В пустой комнате голос Хэмиша с мягким шотландским акцентом раздавался так же ясно и четко, как его собственный, словно погибший друг стоял у Ратлиджа за спиной. Казалось, стоит Ратлиджу повернуть голову, и он его увидит. Иногда он в самом деле оборачивался, но, разумеется, у него за спиной никого не было. Правда, страх, что он и тут ошибается, иногда становился почти таким же реальным, как и голос.

Ратлидж велел себе забыть то, что видел во сне. Какие-то непонятные обрывки... их невозможно истолковать. Опустив голову, он понял, что стоит посреди комнаты и хмурится, вспоминая.

Тряхнув головой, он подошел к окну и снова выглянул на улицу. «В горах совсем не так мрачно, – заметил Хэмиш, как

всегда, откуда-то сзади. — И дожди у нас чистые и свежие».

Благодарный за то, что Хэмиш его отвлек, Ратлидж кивнул.

Доктор из психиатрической клиники, знакомый Франс, говорил ему: то, что называется, за неимением лучшего термина, психической травмой, полученной во время боя, изучено еще не до конца.

— Понятия не имею, как будут развиваться события. Либо однажды вы поймете, что вы здоровы, либо травма останется у вас до конца жизни. Со временем вам либо полегчает, либо станет значительно хуже. Здесь мы ничего не знаем наверняка. Мои немногочисленные пациенты, страдающие так же, как и вы, смогли ужиться со своей травмой. Советую и вам последовать их примеру. О медицинской стороне дела не волнуйтесь. Живите полной жизнью и радуйтесь, что вы в состоянии нормально рассуждать, думать и действовать.

Ратлидж больше не знал, что такое «нормально». С начала 1916 года он переживал приступы неуверенности в себе.

Его война не кончилась ликованием и радостью.

11 ноября 1918 года в одиннадцать часов, когда умолкли пушки, он был в таком тяжелом состоянии, что едва понимал, где находится.

Его нашли только через месяц, оцепенелого, растерянного. В немецкой шинели он бродил по дорогам Северной Франции. Тогда он не мог даже сказать, как его зовут и кто он по национальности. В конце концов его отправили в рас-

поражение британского командования: один майор французской армии узнал в нем офицера связи, с которым познакомился в 1915 году.

Свои поспешили отправить его в госпиталь, где ему поставили диагноз – «военный невроз». Прогнозы были неясными.

Долгое время он жил как в тумане. Ничто не способно было вывести его из оцепенения и мрачного молчания. Постепенно он вспомнил, кто он и как его зовут. Иен Ратлидж, британский офицер, бывший инспектор Скотленд-Ярда. Он узнал свою сестру Франс, приехавшую его навестить. Вскоре ему ненадолго разрешили увидеться с невестой.

Но свидание с невестой закончилось печально. Когда он с ошеломленным видом попробовал взять Джин за руку, она отпрянула. Врачи подробно объяснили ей, как вести себя с женихом, и она дрожащим голосом рассказывала ему об общих знакомых, но глаза ее были полны страха. После первого свидания Джин приезжала еще раза два, а потом разорвала их помолвку.

Из адской бездны под названием Госпиталь для контуженных и пациентов с военным неврозом его вытащила сестра. По требованию Франс его перевели в частную клинику.

И тамошний врач по фамилии Флеминг безжалостно сломал его.

Ратлидж боролся, на каждом шагу сопротивлялся натиску доктора. Измученный и усталый, он понимал, что ему не тя-

гаться с высоким, ширококостным доктором, который увидел в раздавленном войной человеке личность, достойную спасения, и потому не сдавался и давил, давил, давил...

В конце концов на свет всплыла правда о капрале Хэмише Маклауде. Сначала Ратлидж вспоминал какие-то обрывки, но постепенно все ожило, и он решил, что снова попал на фронт.

Потом Ратлидж чуть не убил Флеминга. Он отчаянно стремился защитить свое внутреннее «я», совершенно неприемлемое для здорового ума. Он возненавидел доктора, обвинил его в том, что тот вытащил его из забвения и напомнил страшные события в его военном прошлом...

Наступательная операция на Сомме 1916 года, в ходе которой англичане понесли огромные потери, началась в июле и тянулась все лето. Погибших было столько, что некому было убирать трупы, и мертвых бросали там, где они погибали. Живым приходилось мириться с удушающей вонью. Никого из тех, кто проводил в боях по несколько недель, нельзя было считать вполне психически здоровыми. И все же, когда сломался капрал Хэмиш Маклауд, Ратлидж и его подчиненные были ошеломлены.

Ничто не предвещало такого исхода, не было никакого «первого звонка». Маклауд, принявший командование после того, как умер сержант, раненный в живот, руководил своими солдатами необычайно искусно и храбро, всем им

служил примером. Никто не поверил, когда он наотрез отказался вести солдат в очередную атаку на пулеметное гнездо, которое им приказали уничтожить.

На рассвете их полк должен был взять высоту, им предписывалось подавить пулеметный расчет противника. Они все оглохли — всю ночь велась полномасштабная артиллерийская подготовка. По ним били свои, и они дошли до последней степени отчаяния. Вражеских пулеметчиков как будто что-то охраняло. Они хорошо окопались, и к ним невозможно было подобраться.

Измученный, бледный капрал покачал головой и отказался подчиняться приказу. «Не хочу, чтобы наши погибали зря... Я туда больше не пойду. Это безумие». Лица у стоящих за его спиной солдат были мрачные, пустые.

Ратлидж сам не знал, как им с Хэмишем до тех пор удавалось выжить практически без единой царапины. Он понятия не имел, хватит ли сил у него самого в шестой раз перебираться через колючую проволоку. Но другого выхода не было. Один пулемет по огневой мощи превосходил сорок бойцов. Один пулемет скашивал целую шеренгу солдат. Его необходимо было вывести из строя.

Ратлидж уговаривал Хэмиша, угрожал ему, взывал к его патриотизму, но сдержанный горец только качал головой. Его лицо, как и лицо самого Ратлиджа, искажали горе и страдание, он как будто без слов умолял его понять.

На войне нет места состраданию. Нет места жалости. Что-

бы спасти тысячу жизней, приходится пожертвовать одной. Ратлидж предъявил Хэмишу ультиматум: либо он через час ведет солдат в очередную атаку, либо его расстреляют за трусость.

Ратлидж точно знал, что Хэмиш не трус, знал и то, что под непрерывным огнем люди ломались.

Ратлиджу пришлось исполнить свою угрозу. Команда, поспешно собранная в предрассветном сумраке, расстреляла капрала Хэмиша Маклауда. Но он не умер, и Ратлиджу пришлось добить его, нанести завершающий смертельный удар. Сразу после этого немцы начали обстрел, и их завалило землей. Похороненный заживо, ослепший, оглохший, Ратлидж выжил только потому, что его защитило тело Хэмиша. Горькая ирония судьбы...

Пулеметчики погибли тоже, за что Ратлиджа, не верившего в происходящее, наградили медалью и снова послали в бой, он должен был служить всем примером. Ему не дали передышки – на войне нужны были солдаты.

После того страшного лета 1916 года Ратлидж воевал еще два мучительных года. Он выполнял свои обязанности, хотя почти ничего не сознавал, кроме неумолкающего голоса Хэмиша в голове. Ратлидж хотел умереть, он много раз искал смерти, но, несмотря на ранения и болезни, остался в живых. Дома его встретили как героя, хотя он почти не мог говорить. Никто не догадывался, что он привез с собой мертвеца.

Доктор Флеминг хорошо сделал свое дело. В июне 1919

года Ратлидж вернулся в Скотленд-Ярд, его признали годным к несению службы. Свою тайну он носил с собой. Даже Франс не знала, как тяжело давались Ратлиджу попытки вернуться в прежнюю форму. Он должен был ловить убийц, но сам считал себя убийцей. И Хэмиш нисколько не облегчал ему жизнь, наоборот, он постоянно нависал у него за плечом и порицал его. Со временем у них наладились своеобразные отношения – если сравнивать с шахматной партией, ситуацию можно было назвать патовой. Хэмиш первым ощущал те мгновения, когда Ратлидж был наиболее уязвим. Иногда Ратлиджу казалось, что капрал мстит ему с того света.

Даже Флеминг, несмотря на все свое врачебное искусство, не сумел убрать страшные воспоминания. И избавить Ратлиджа от чувства вины.

В темную дождливую ночь особенно тяжело проснуться после кошмарного сна и услышать не дающий покоя голос из прошлого... из окопов.

Все же спустя какое-то время Ратлидж заставил себя снова лечь, укрылся одеялом и закрыл глаза.

Над Лондоном занялся серый сентябрьский рассвет, но Ратлидж все никак не мог уснуть.

Позже, при свете дня, он понял, что послужило причиной его сна. Накануне с утренней почтой пришло письмо. Зная, от кого оно и какая просьба в нем содержится, он долго тянул и не вскрывал конверт. Ему казалось, что письмо прожигает дыру в кармане его пиджака и в его совести. Наконец он со

вздохом взломал резную печать.

Его крестный, Дэвид Тревор, писал из Эдинбурга:

«Ты все время придумываешь какие-то отговорки. Хватит! Приезжай ко мне в гости. Я скучаю по тебе, Иен. И хочу лично убедиться в том, что ты жив и здоров. Если твой старикашка Боулс не даст тебе отпуска, все равно приезжай. Мой врач напишет, что тебе необходим отдых. Кстати, отдохнуть не мешает и мне. Одиночество – вот что меня губит!»

Меньше всего на свете Ратлиджу хотелось ехать в Шотландию. Он искренне любил и уважал своего крестного, но на север ехать ему совсем не хотелось. Правда, при свете дня его нежелание казалось едва ли не суеверием и лишь ночью превращалось в невыносимо тяжкое бремя. Нет, он вовсе не испытывал неприязни к шотландцам, наоборот. Многие из них во Франции сражались под его началом, и – как ни горько это сознавать – многих из них он повел на смерть. Ратлидж помнил их всех поименно, даже зеленых новобранцев, с которыми он не прослужил вместе и дня.

Кроме того, сейчас ему меньше всего хотелось идти в отпуск. Он очень устал, но праздность пугала его. Когда человек пребывает в праздности, на краю его разума маршируют призрачные армии демонов...

Старший суперинтендент Боулс, возможно, с радостью

отправил бы Ратлиджа в отпуск, если бы инспектор его о том попросил. Чем реже Боулс видел Ратлиджа, тем лучше себя чувствовал. Стоило Ратлиджу уехать из Лондона по делам, и Боулс радостно поглядывал на закрытую дверь его пустого кабинета. Ратлидж смущал покой Боулса, старший суперинтендент терпеть не мог умных подчиненных. И совсем невыносимыми для него были умные подчиненные, безукоризненно владевшие родным языком, окончившие университет и непринужденно чувствующие себя в обществе, в котором сам Боулс, несмотря на чин и положение, до сих пор был скованным и неуклюжим. От таких подчиненных Боулс старался избавляться как можно скорее. Он умел так себя поставить, что умные люди сами догадывались — в их же интересах как можно скорее попросить о переводе.

Но проклятый Ратлидж никуда не уходил и успешно раскрывал одно дело за другим. Он был словно заговоренным. Он выжил в мясорубке на Сомме, поправился после тяжелых ранений, хотя несколько месяцев провалялся в госпиталях. А ведь если осведомитель Боулса говорил правду, после войны Ратлидж почти выжил из ума, был совершенно сломлен, даже не мог говорить. Кто бы мог подумать, что он вернется на прежнее место работы? И все же он держится в Скотленд-Ярде вот уже четыре месяца, хотя Боулс изо всех сил старается доказать, что инспектор не справляется со своими обязанностями как положено и растерял навыки, которые прославили его до войны.

По мнению Боулса, Англии пошло бы на пользу, если бы Ратлидж умер вместе с теми, кого писатели стали называть «цветом английской молодежи». Мертвые «цветы» можно вымести вместе с мусором и забыть о них. Те, кто остался в живых, бросали вызов его тщеславию и потому служили для него мишенями.

Боулс вскарабкался по служебной лестнице на такую высоту, какую допускали его способности. Продвинуться по службе помогли успехи, достигнутые во время войны, когда он охотился на немецких шпионов. Но, похоже, ему так и суждено выйти в отставку с должности старшего суперинтендента. О том, чтобы подняться выше, человек его социального положения не мог и мечтать. Прекрасно понимая, что достиг потолка, Боулс постоянно испытывал гнев и досаду.

В то мрачное утро он вошел в кабинет Ратлиджа и придвинул себе второй стул – он всегда стоял у стены напротив двери. Тяжело опустившись на сиденье, он положил на стол папку с делом.

– Нам сообщают о неприятностях на севере, в районе Дарема. Судя по всему, кроме вас, с ними никто не в состоянии разобраться. – Старший суперинтендент открыл папку, достал из нее лист, исписанный черными чернилами, и мрачно воззрился на Иена. – Короче говоря, вот изложение сути дела и свидетельские показания, которые все подтверждают.

Сотрудники шотландской полиции, заручившись согласием своих английских коллег, наведались в деревню в

нескольких милях к западу от Дарема, где жила леди Мод Грей. Шотландцы сообщили ей, что в Хайленде, в долине Гленко, найдены останки женщины, которая может оказаться ее пропавшей дочерью. Леди Мод Грей настолько возмутили манеры и речь инспектора-шотландца, что она приказала дворецкому выкинуть его. В свою очередь, поведение леди Мод не пришлось по вкусу начальнику шотландской полиции, и он пожаловался своему английскому коллеге. Ни одному из них не удалось убедить ее светлость принять их хотя бы ненадолго...

– Вас направляют туда затем, чтобы вы, так сказать, разрядили обстановку и выяснили все, что можно, о пропавшей девушке. Шотландская полиция будет вам очень признательна. Насколько я могу судить, читая между строк, ее светлость пользуется большим авторитетом в известных кругах. Кроме того, она умна, энергична и привыкла действовать, как ей заблагорассудится. Вам придется воспользоваться всем своим дипломатическим тактом, чтобы войти к ней в дом, я уже не говорю о том, чтобы побеседовать с ней. Учтите, провал неприемлем. Вы меня понимаете?

Ратлидж прекрасно все понял. Если он выведет леди Мод из себя, она от них мокрого места не оставит. Если он уедет, так и не повидавшись с ней, его могут отстранить от должности за непрофессионализм.

Он взял бумаги, которые придвинул ему Боулс, и стал читать. Старший суперинтендент вскоре ушел. Само по себе

дело выглядело достаточно простым. Трудность заключалась в том, что леди Мод Грей отказывалась обсуждать с кем-либо свою дочь. Местный полицейский написал:

«Леди Мод не объявляла дочь в розыск, но, по словам соседей, в начале 1916 г. они с дочерью повздорили и дочь уехала. Позже, в 1918 г., после смерти родственника дочь стала богатой наследницей. Семейный поверенный дал объявления в газетах по всей стране, прося ее связаться с ним напрямую, но девушка так и не ответила ему. Поверенный начал тактично наводить справки о дочери леди Мод, но оказалось, что никто из ее друзей ничего о ней не знает. Поверенный заявил о своих подозрениях в полицию и попросил помочь найти ее. До сих пор поиски не увенчались успехом. Возможно, останки, найденные в Шотландии, принадлежат Элинор Виктории Мод Грей – рост и возраст примерно соответствуют, а время смерти (по мнению специалистов, осень 1916 г.) совпадает с тем временем, когда ее видели в последний раз. Ее мать отказывается давать какие-либо разъяснения».

Шотландские полицейские не сомневались: мать отказывается говорить о дочери из-за того, что та ждала ребенка. Их английские коллеги не были столь категоричны. Возможно, причина ссоры между матерью и дочерью совершенно иная. В отношениях двух ведомств наметилась некоторая на-

тянutosть – шотландцы считали, что нашли убийцу Элинор, англичане же не были уверены в том, что девушка умерла.

Ратлидж посмотрел в окно, по грязным переплетам стекали струи дождя, мокрые голуби старались забиться в любое укрытие. Он и на фронте терпеть не мог дождь, дождь мучил и тело, и дух. Мокрая шерстяная одежда, запахи мочи и рвоты, тошнотворная, сладковатая вонь гниющей плоти, запах невымытых тел, скользкая, черная, жирная грязь, налипавшая на сапоги, лица и руки... От дождя волосы под касками сваливались. Низкая облачность не позволяла заранее заметить признаки газовой атаки...

Наверное, на севере погода сейчас лучше, чем в Лондоне, подумал Ратлидж. И Хэмишу, родившемуся и выросшему в деревне, поездка казалась вполне сносной. Ратлидж посмотрел на часы. До ночи он вполне успеет добраться до Йорка. Он встал, потянулся, разложил на столе по порядку текущие дела, вышел из кабинета и закрыл за собой дверь.

Боулс в своем кабинете слышал из коридора удаляющиеся шаги Ратлиджа и самодовольно ухмыльнулся.

Глава 4

Леди Мод Грей жила в особняке, который можно было назвать роскошным. Он стоял посреди обширного парка. Из всех окон особняка открывались живописные виды. Парк окружала ограда с массивными каменными колоннами. До ближайшей деревни, Ментон, нужно было ехать по главной дороге милю с четвертью. Деревню перенесли на теперешнее место в восемнадцатом веке. Из мансарды дома не было видно даже церковной колокольни. На прежнем месте, там, где деревня находилась раньше, разбили очень красивую аллею, обсаженную деревьями и окруженную газонами. Аллея вела к зеркальному пруду, в котором отражалось безоблачное небо.

Поднимаясь по дорожке к дому, освещенному солнцем, Ратлидж подумал: наверное, в Средние века здесь находилось укрепленное аббатство, а позже на его руинах возвели богатый загородный дом. В одном крыле угадывались церковные хоры и апсида, скорее всего, там и сейчас размещается фамильная часовня. Арочные контрфорсы плавно перетекали вверх, к крыше, увенчанной башенкой. С ними идеально сочеталась серая каменная облицовка, придававшая всему сооружению старинный вид. Западный фасад с парадным входом украшало высокое крыльцо, посреди парка был сооружен резной фонтан.

«Как здесь одиноко! – проворчал Хэмиш, когда Ратлидж огляделся по сторонам. – Можно услышать ветер и почувствовать пустоту».

Хэмишу, воспитанному в кальвинистской вере, такой дом казался претенциозным и негостеприимным. Он привык к небольшим фермам в шотландских горах, которые часто представляли собой всего лишь сооружения из груды камней на горных склонах. Там, где постоянно приходится бороться за выживание, не до показной роскоши.

Поднимаясь на крыльцо, Ратлидж невольно задался вопросом, как отнесся бы к здешним красотам его крестный. У Дэвида Тревора камень и раствор были в крови. Он обладал верным глазом и отменным вкусом, природный талант помог ему стать одним из самых преуспевающих архитекторов своего времени.

Ратлидж почувствовал себя виноватым: он ведь так и не ответил на приглашение крестного. Он не мог объяснить, почему сама мысль об отпуске казалась ему проклятием. Теперь у него появилась отговорка – срочное дело.

«Да ведь ты и не соврал, верно? – заметил Хэмиш. – Ты сам так решил. Ну а мне все равно, попаду я в родные края или нет...»

Дверной молоток в форме ананаса – символа гостеприимства – ударил по металлической пластинке с тяжелым глухим стуком. Удар эхом прокатился по всему дому.

Дверь открыл величественный дворецкий, он смотрел на

Ратлиджа с холодным презрением. Его седые волосы с серебристым отливом и высокий рост сделали бы честь даже хозяину поместья. Однако Ратлидж помнил, что лорд Ивлин Грей был приземистым коротышкой с черными курчавыми волосами и седой бородой со стальным отливом. До войны они несколько раз встречались в Лондоне.

– Инспектор Ратлидж, Скотленд-Ярд, – отрывисто представился он, нарушая тишину. Хэмиш у него в подсознании ошетинился – его возмутил ледяной прием. – Я хочу видеть леди Мод Грей.

– У ее светлости нет никаких дел с полицией, – ответил дворецкий, приготовившись захлопнуть дверь перед носом Ратлиджа.

– Все наоборот. Полиция желает загладить недавнее недоразумение, меня специально прислали из Лондона, чтобы лично принести извинения перед леди Мод. Отказ принять меня сочтут оскорблением.

Дворецкий оглядел Ратлиджа с головы до ног. Ратлидж мысленно улыбнулся. Если дворецкий полагал, что может навести на него страх, он сильно ошибался. Надменность дворецкого лишь отражала надменность его хозяйки. Ему далеко до старшины Макларена, который способен был одним взглядом усмирить целый батальон. Авторитет старшины Макларена никем не подвергался сомнению. Его власть была естественной и досталась ему от природы. Говорили, что Макларена побаивались даже офицеры, и сам Рат-

лидж часто считался с мнением и опытом старшины.

Дворецкий видел перед собой высокого человека с худым лицом, одетого в хорошо сшитый костюм. Его голос и манеры говорили о несгибаемой твердости. Взглянув в черные глаза гостя, дворецкий сдался:

– Будьте добры, подождите здесь.

Он вернулся почти через десять минут.

– Леди Мод примет вас в библиотеке, – сообщил он, отходя в сторону и впуская Ратлиджа.

Ратлидж вошел в холл с колоннами, напоминавший греческий храм. Мраморный пол казался гладким и скользким как лед. Парадная лестница расходилась на две стороны, изящные пролеты лебедиными шеями изгибались направо и налево от ниши, в которой стояла искусно подсвеченная римская копия греческого Аполлона. Каменное лицо, повернутое чуть в сторону, вдруг напомнило ему Кормака Фицхью. Ратлидж поспешил прогнать неприятное воспоминание.

Хэмиш сказал: «Язычник, тьфу! Как и его хозяйка, не сомневаюсь!»

Интересно, подумал Ратлидж, как относилась к статуе пропавшая без вести Элинон Грей? Играла ли она здесь в детстве, скользила ли по сверкающему полу, слышался ли между колоннами ее звонкий смех? А может быть, родной дом казался ей, как сейчас кажется ему, холодным и неприступным?

В длинных галереях, устланных французскими коврами, на пьедесталах стояли бюсты, а на стенах висели потемневшие от времени фамильные портреты в массивных золоченых рамах.

«Здесь можно целый полк разместить, и еще место останется, – пренебрежительно заметил Хэмиш. – Ну да, а на той лестнице хоть военному оркестру выступать!»

Они поднялись на второй этаж. Библиотека оказалась просторным помещением в конце коридора, несомненно, ее выбрали для того, чтобы привести простого полицейского в состояние благоговейного трепета. Между окнами от пола до потолка в застекленных стеллажах стояли книги. Кремово-розовый ковер на полу был таким старым, что блестел как старинный шелк, и женщина, которая стояла посередине ковра, понимала, что она выглядит на нем настоящей жемчужиной.

Даже Хэмиш замолчал, по-своему отдавая должное хозяйке дома.

Леди Мод оказалась высокой женщиной с серебристо-седыми волосами и царственной осанкой. Она встречала гостя в темно-синем вечернем платье, которое украшало красивое двойное ожерелье из жемчуга, доходившее почти до талии. В свое время она, наверное, была настоящей красавицей, остатки былой красоты еще сохранились в овале лица, фиалковых глазах и длинных тонких руках, которые она соединила перед собой.

– Инспектор Ратлидж, миледи, – пробормотал дворецкий, но она его как будто не слышала.

Дворецкий мягко прикрыл дверь за гостем.

– Инспектор, – произнесла хозяйка, когда он поклонился. Холодно осмотрев его, она продолжила: – Хорошо, что на этот раз им хватило ума прислать приличного человека.

– Миледи, я не знаком с инспектором Оливером, но вполне разделяю его чувство долга. Надеюсь, в силу своего происхождения вы тоже понимаете, что им двигало.

– Я не намерена выслушивать... – начала леди Мод, но Ратлидж осторожно перебил ее:

– Уверяю вас, я не защищаю своего коллегу, а просто напоминаю: едва ли не самым тяжким бременем становится для любого полицейского обязанность сообщать родственникам о смерти близких. Возможно, в Шотландии нашли не вашу дочь, тогда чем скорее наши коллеги об этом узнают, тем скорее найдут настоящих родителей покойной. С горем придется сживаться другой матери. Если вам повезло и в горах скончалась не ваша дочь, пожалейте женщину, потерявшую свое дитя.

Леди Мод наградила его ошеломленным взглядом, Ратлидж не совсем понял, что таилось в ее на удивление выразительных глазах. «А все-таки у нее тоже пропала дочь...» – подумал он. Вдруг она сказала:

– Вы, если я правильно поняла Кентона, приехали ко мне, чтобы извиниться.

– Да. За то, что инспектор Оливер справился с порученным ему делом не так хорошо, как следовало. Произошло недоразумение. Вместо него прислали меня вот с какой просьбой. Если вы сможете установить, что молодая женщина, обнаруженная в горной шотландской деревушке, не ваша родственница, мы сможем перейти к другим именам в нашем спи...

– Она не моя родственница. Моя дочь жива и здорова.

– И вы получали от нее известия в течение последнего... м-м-м... полугода?

– Наши с дочерью отношения не касаются посторонних! – Леди Мод снова пытливо посмотрела ему в лицо и заметила усталость и худобу. Но за ними, как она внезапно поняла, таилась такая же сильная воля, как и у нее.

Ратлидж ненадолго прислушался к Хэмишу. Тот предупредил, что терпеливость не относится к числу достоинств леди Мод. Необходимо срочно сменить тактику.

– Отлично. Ваши соображения мне понятны... Но, может быть, вы сможете нам, ответив на вопрос, который не дает нам покоя... Почему ваша дочь не связалась с поверенным, чтобы подписать наследственные бумаги? Я читал его показания. Он выразил озабоченность в связи с тем, что в тысяча девятьсот восемнадцатом году ваша дочь так и не дала о себе знать. Более того, в последний раз он получил от нее письмо в шестнадцатом году. Год назад он предпринял попытку разыскать ее, но у него ничего не вышло. Он поделился

своими опасениями с местными стражами порядка. В этом году, когда нашим шотландским коллегам стало известно о пропавшей без вести девушке, они решили на всякий случай побеседовать с мисс Грей. Хотя бы только для того, чтобы убедить всех, что она ни при чем. Если вы хотя бы намекнете, где ее можно найти, я немедленно закрою дело по ее розыску – я обладаю всеми необходимыми полномочиями. – Иен говорил холодно, как будто Элино́р Грей представляла для него заботу лишь в том случае, если была мертва.

– Давно надо было догадаться, что за всем лежит досадная страсть мистера Лидса совать нос в чужие дела! Ну, он еще услышит обо мне! – В глазах леди Мод полыхал гнев, и они из фиалковых стали темно-лиловыми.

«Не хотелось бы мне оказаться на его месте», – резюмировал Хэмиш.

– Он тоже по долгу службы обязан выполнять наилучшим образом то, что от него требуется.

– Вот именно – то, что требуется. Вовлекать в дело полицию было совершенно излишне.

– Не верится, что молодая женщина, являющаяся вашей дочерью, способна пренебречь своим долгом... – Ратлидж помолчал и продолжил: – Ее молчание нас очень беспокоит.

– Чушь! Элино́р молода и строптива. Ей вдруг взбрело в голову изучать медицину. Шла война, все мы были подавлены. Но она заявила, что ее цель – стать врачом. Я надеялась, наступит мир, людей перестанут убивать, и она взглянет на

свою нелепую мечту в ином свете. Должна признать, что у моей дочери довольно романтическая натура... Совсем как у ее покойного отца.

Ратлидж про себя отметил: «Придется связаться с клиниками при медицинских школах...» Вслух он спросил:

– Значит, ваша дочь записалась на курсы подготовки медицинских сестер?

– Медицинских сестер? Вряд ли! – досадливо ответила леди Мод. Затем она как будто спохватилась: – Садитесь, молодой человек! Вон на тот стул, слева от вас. – Сама она села за стол, словно воздвигая между ними прочную преграду. – Когда моя дочь что-нибудь решит, ее трудно переубедить. И должна сказать, она не умеет мириться с разочарованием. Столкнувшись с препятствием, Элинор всегда выходит из себя. Затем она придумывает, как обойти преграду. – Дав Ратлиджу время обдумать сказанное, она продолжила: – Но предположение, что она уехала в Шотландию... или родила внебрачного ребенка... настолько абсурдно, что я не понимаю, как ваш шотландский коллега мог прийти к подобному выводу. Он просто идиот! Больше я его на порог не пущу, как и нашего, местного, стража порядка – он круглый дурак.

– Ваша дочь никогда не занималась альпинизмом?

– Ни в коем случае. Она не относится к тем грубым женщинам, которые обожают заниматься спортом. Вот теннис ей нравится. И еще она очень любит кататься верхом. До войны Элинор некоторое время училась в пансионе в Швейцарии,

но никогда не проявляла желания лазать по горам. Ну а что касается другого... предположения, моя дочь слишком уважает себя и свою семью, чтобы наделать глупостей.

Последние слова леди Мод произнесла с уверенностью. Девушкам вроде Элинор Грей с рождения внушают, что на них возлагают большие надежды. Им полагается сделать хорошую партию – и с социальной, и с финансовой точки зрения. Если им захочется, они, конечно, могут заводить любовников, но только после свадьбы и не слишком открыто. До свадьбы – ни в коем случае.

Чем больше Ратлидж слушал, тем больше соглашался с леди Мод: едва ли останки, обнаруженные в горах Шотландии, принадлежат ее дочери. Слишком многое не совпадает. И все же... рост и возраст примерно соответствуют. А время?

– Леди Мод, нельзя ли взглянуть на фотографию вашей дочери?

«Ничего она тебе не покажет, – пообещал Хэмиш. – Может быть, снимок есть у поверенного».

Леди Мод метнула на Ратлиджа гневный взгляд:

– С какой целью?

– Просто чтобы составить личное впечатление о девушке, которую вы описали. На опыте я убедился – иногда лица говорят больше, чем факты.

Женщина замаялась. Ратлидж уже решил, что испортил впечатление и проиграл. Но вдруг леди Мод выдвинула ящик

стола, достала серебряную рамку филигранной работы и протянула ему, не взглянув на снимок. Ратлидж привстал, взял снимок и снова сел.

На него смотрело улыбающееся девичье лицо. Одна рука девушки лежала на крупе стоящей рядом лошади, в другой она сжимала кубок – приз, полученный на соревнованиях. Цилиндр скрывал лоб, и все же было ясно видно – девушка очень привлекательна и похожа на свою мать. Ратлидж вдруг нахмурился, разглядывая снимок, ее лицо показалось ему знакомым. И тут же вспомнил, кого ему напоминает Элинон Грей.

Она как две капли воды походила на одну из наследных принцесс... Как будто прочитав его мысли, леди Мод властно протянула руку, и он нехотя вернул ей фотографию. Хэмиш тоже прочитал его мысли и возмутился.

Ратлидж решил расспросить свою сестру Франс: если кто-то и знает что-то о таких делах, то это точно она. Глядя на сидящую перед ним женщину и словно все еще разглядывая фотографию, которую она у него забрала, Ратлидж невольно задумался. Возможно, Элинон Виктория Мод Грей... дитя любви леди Мод и покойного короля Эдуарда VII. Король считался ценителем женской красоты. И нет ничего удивительного в том, что в свое время его внимание привлекла леди Мод...

В таком случае недоверие леди Мод вполне оправданно. Она не допускает и мысли о том, что ее дочь могла умереть в

заброшенной шотландской деревушке или родить внебрачного ребенка.

Элино́р не суждено сделать карьеру в медицине. Ее удел более высок, тем более если она дочь самого короля. Кроме того, она наследница крупного состояния. И имеет право выбирать себе мужа среди представителей высшей знати...

Но если она в самом деле так строптива, как уверяет ее мать, не могла ли она взбунтоваться против золотой клетки, ожидавшей ее в будущем, и найти какое-то извращенное удовольствие в том, чтобы сбылись не мечты матери, а ее страшные сны?

После того как уехал гость из Лондона, леди Мод еще долго сидела за широким столом и невидящим взглядом смотрела на закрытую дверь.

Как ему удалось вызвать ее на откровенность об Элино́р? Подумать только, она призналась простому полицейскому в том, чего никому больше не открывала – Элино́р необычайно упряма и строптива, а наследство так мало значило для дочери, что она ушла и ни разу не оглянулась. Вместо достойного будущего она выбрала самое простое, низменное ремесло, где приходится сталкиваться с бедностью, грязью и ужасными болезнями. Элино́р поступила невыразимо жестоко и своевольно.

«В моей власти позвонить в Лондон и сделать так, чтобы этого человека понизили в должности...»

Леди Мод еще долго сидела неподвижно, ругая Ратлиджа. Она отталкивала от себя опасения и чувство вины. Элинор не умерла, нет! Полицейские не справляются со своими обязанностями, они глупы. Она не позволит им снова себе докучать.

Вдруг она вспомнила слова, сказанные инспектором: «С горем придется сживаться другой матери...»

«Тогда найдите ту, другую мать и будьте довольны... Скорее бы всему был положен конец!»

Солнце отбрасывало на ковер длинные косые лучи, а она все сидела за столом в библиотеке. Ей не нужна была фотография в запертом ящике стола, она и так ясно представляла лицо дочери, ощущала ее присутствие рядом. Уж мать наверняка почувствовала бы... если бы случилось несчастье...

Вместо того чтобы добросовестно исполнять свой долг, полицейские запугивают ее, хотят, чтобы она делала за них их работу!

Наконец леди Мод встала, глубоко вздохнула и решительно направилась к двери. К тому времени, как она добралась до комнаты, в которую провели телефон, она уже знала, что делать.

Глава 5

Ратлидж доехал до конца подъездной дорожки и повернул на шоссе.

Хэмиш, почувствовав, что напряжение ослабло, заговорил после долгого молчания: «Без толку ты к ней приезжал. Ничего не узнал, зато на нее посмотрел. Даже на меня она нагнала страху... Не хотел бы я перейти ей дорогу».

Может быть, такие же чувства к матери испытывала и Элинор Грей?

«Мой дед был такой же властный, как она, – продолжал Хэмиш, – он способен был повести в бой целый клан, только в другом месте и в другое время. Но у него и другие черты имелись – голос у него был такой звучный... Бывало, стоило ему заговорить, и все сразу умолкали. Он знал много стихов и из Священного Писания читал. Когда доходило до пророков или Роберта Бернса, с ним никто не мог сравниться. Помню, я много ночей не спал на чердаке и все слушал... Знатная дама, наверное, совсем другая...»

Ратлидж задумался и решил, что леди Мод в самом деле «другая». Если она была любовницей сына королевы Виктории, ее муж, скорее всего, знал о том, что он рогоносец, и мирился со своим положением. В отличие от Генриха VIII, Эдуард выбирал замужних любовниц с большой осторожностью, во избежание сплетен или скандала. Он поручал своим

друзьям привезти очередную фаворитку на один из его приемов. Иногда избранным тактично сообщали о пожеланиях принца. Тем не менее любовницы наверняка были секретом Полишинеля. Связь непросто было хранить в тайне, как и самим фавориткам непросто было возвращаться к мужьям, когда принц переключал свое внимание на другую женщину.

Трудность в том, что ребенок редко видит в своих родителях надежную силу. Его угнетает суровая дисциплина, не допускающая детских прихотей, тем более капризов. Дети часто бунтуют против такого обращения, иногда бунт заканчивается трагедией.

Что бы ни случилось с Элинор Грей, если она решила наказать мать за то, чего ей, по ее мнению, недодали в величественном и холодном родном доме, полиция может возбудить дело лишь в случае ее смерти.

Неожиданно для самого себя Ратлидж понадеялся, что Элинор Грей жива, хотя Хэмиш в этом сомневался.

Возвращаясь в городок, где он провел предыдущую ночь и где оставил свой багаж, Ратлидж думал, что ему предпринять. Он еще может успеть к ночи вернуться в Лондон, но явиться с докладом к Боулсу все равно поздно. А сегодня пятница. Пожалуй, лучше всего найти телефон и обо всем доложить устно, может быть, Боулс будет доволен. Инспектор Оливер тоже наверняка ждет его отчета – ему интересно, как леди Мод приняла гостя из Лондона.

В отеле телефон имелся, Ратлидж попросил соединить его

с Лондоном.

Боулса в кабинете не оказалось, а сержант, взявший трубку, спросил:

– Вы Ратлидж? Одну секундочку, сэр, меня просили вам передать... Есть, нашел! Вас просят пока не возвращаться в Лондон, сэр.

– Пока не возвращаться? – Ратлидж ничего не понимал. Разве он не покончил здесь со всеми делами?

– Совершенно верно, сэр. Вот что написано в записке: «Передайте Ратлиджу, чтобы оставался на месте. Пусть позвонит мне в понедельник в девять утра». Вот и все, сэр. Больше старший суперинтендент ничего не сказал.

Даже для Боулса сообщение было излишне лаконичным. Но Хэмиш поспешил напомнить Ратлиджу, что Боулс мстителен и часто откровенно бесчеловечен. Ратлидж попросил сержанта еще раз прочесть записку, желая убедиться, что он все понял правильно, а потом сказал:

– А вы, пожалуйста, поручите кому-нибудь выяснить, не проходит ли Элинор Грей обучение в клинике при какой-нибудь медицинской школе. Скорее всего, она выбрала клинику в Лондоне, но может оказаться и в другом месте. Мне сообщили, что она очень хотела стать врачом. Если она где-то учится, нам важно ее разыскать.

Сержант прилежно записал его слова и обещал сразу же поручить кому-нибудь розыски. Ратлидж понимал, он только что испортил выходные нескольким несчастным констеб-

лям, которые за какие-нибудь мелкие провинности угодили к сержанту в черный список. Но они, скорее всего, будут проводить расспросы усердно, хотя бы только ради того, чтобы их фамилии вычеркнули из черного списка.

Ратлидж поблагодарил сержанта и повесил трубку. Еще некоторое время он сидел в крошечной душевой комнатке, превращенной в телефонную будку.

«Передайте Ратлиджу, чтобы оставался на месте...»

Неужели Боулс собрался снова послать его к леди Мод, потому что шотландская полиция обнаружила нечто новое и ему нужно вести следствие с английской стороны границы? Или в деле появились дополнительные обстоятельства? Но если так, Боулсу следовало объясниться подробнее. Почему он не передал, когда Ратлидж обязан представить рапорт и чего именно от него ждут?

Возможно, Боулс в силу своей всегдашней недоверчивости решил, что Ратлиджу не удастся встретиться с леди Мод, и он приказывает ему не возвращаться до тех пор, пока не удастся побеседовать с ней. Ратлидж взял с собой всего лишь небольшой саквояж с вещами, если он задержится здесь еще на несколько дней, ему понадобятся свежие рубашки, туфли и еще один костюм.

«А вдруг он тебя уволил? – спросил Хэмиш. – Тогда он просто дает тебе поболтаться в неизвестности, пока лично не объявит новость...» Ратлидж приказал голосу из подсознания замолчать.

Что же ему делать?

Следующие два дня он волен был провести в Линкольне или в Йорке. До войны он бы очень обрадовался такой возможности – в этих краях у него жили друзья, к которым он всегда мог заехать в гости и встретить радушный прием... Теперь двое друзей погибли, а третий ослеп, он лежит в больнице и пытается освоить новую профессию, а жена ждет, когда же он вернется домой. Придется остановиться в отеле...

Неизвестно еще, какой номер ему дадут. Кроме того, он обречен на общество Хэмиша, свои мысли... Ратлидж не очень радовался такой перспективе. Он предпочел бы сразу же вернуться в Лондон и расследовать очередное дело, которое не давало бы ему расслабиться, не давало бы вспомнить о том, что у него вообще есть прошлое, кроме последней недели или даже позавчерашнего дня.

Два дня...

В нем снова шевельнулось чувство вины. Он должен навестить своего крестного. Или хотя бы объясниться. Оказалось, что и первое, и второе для него одинаково трудно.

«Почему он сам не приедет в Лондон?» – спросил Хэмиш.

В последний год войны Дэвид Тревор передал своему компаньону все дела в лондонской архитектурной фирме. Смерть сына подкосила его, и он отправился в Шотландию для исцеления. По словам Франс, он писал книгу по истории британского архитектурного стиля, но, возможно, книга – всего лишь предлог, чтобы похоронить себя в прошлом до

тех пор, пока он не наберется сил и не сможет взглянуть в туманное будущее.

«Для него Шотландия – убежище».

«Но не для меня!»

Хэмиш не ответил.

Подумав, Ратлидж снова взял трубку и позвонил Дэвиду Тревору. Он собирался извиниться, облегчить душу. Объяснить, что из-за срочного дела его поездка в Шотландию в обозримом будущем маловероятна. Отложить то, с чем он пока не в силах столкнуться.

А может быть, крестный приедет к нему в Дарем или еще куда-нибудь? Вот компромисс, который устроит обоих – встреча в таком месте, с которым ни у кого из них не связаны тягостные воспоминания...

Пока Ратлидж ждал, Хэмиш сказал: «Он не приедет...»

«Приедет. Ради меня».

И все же через двадцать минут Ратлидж сел в машину и поехал на север. На сей раз к границе с Шотландией. Крестный так искренне обрадовался, услышав его голос! Он решил, что Ратлидж звонит, чтобы предупредить о своем приезде. Ратлидж понял, что отказать старику или предложить встретиться в другом месте просто невозможно. Его согласие было принято как должное. Как если бы ничего не изменилось.

Лучше вернуться в дождливый Лондон в пустую квартиру... лучше поехать в Йорк, Линкольн или Карлайл, чем в

Шотландию, где на каждом повороте голоса будут напоминать ему о шотландцах, которыми он командовал. Ему казалось, что он их всех предал...

Во всем Шотландском высокогорье не найдется ни единого крошечного городка, названия которого он не знал бы, потому что там жили солдаты, служившие под его командой.

Сколько лжи наговорил он испуганным мальчишкам, которые в первый раз должны были идти в бой! Сколько лжи написал он горюющим женщинам, только что лишившимся сына или мужа! И все же солдаты ему доверяли. Он выслушивал их рассказы о семьях, о домах, о земле, о маленьких победах, которые они одержали в своей недолгой жизни... Неприкаянные, в окопах, в ночных караулах они вспоминали мирную жизнь. Им приятно было вспоминать дом. Потом они лежали на носилках и старались умереть достойно. Шотландцы хорошо воевали, им не хотелось умирать. И все же они умирали – смерть косила их не десятками и не сотнями – тысячами. Ратлидж по-прежнему чувствовал себя их должником и все еще не мог снять с себя тяжелое бремя. Ему нелегко было бы объяснить, что творится у него в душе, и все же его не покидало чувство долга по отношению к мертвым.

Он ехал в Шотландию, и пути назад не было...

«Я ведь еду не в Эдинбург, – убеждал он себя. – Лодж находится в тихой деревушке... таких полным-полно в любом уголке Великобритании. Все равно рано или поздно мне пришлось бы поехать к крестному. Нельзя всю жизнь отго-

раживаться от прошлого... как-то надо справиться... Будет настоящей жестокостью по отношению к старику, если я перезвоню и скажу, что передумал...»

Хэмиш не желал ничего слушать, как Ратлидж ни оправдывался. Поездка стала для Ратлиджа настоящим испытанием. Он подумал: Хэмишу очень страшно было умирать во Франции, вдали от родины... Куда он так и не вернулся. Не попадет он домой и сейчас.

Усталость начинала брать свое, Ратлиджу казалось, что он все время упирается в стену.

Подъехав к Ньюкаслу, словно по наитию Ратлидж вдруг свернул в сторону и некоторое время ехал на запад, к Хексему. Остановив машину, он вышел и прошел с милю до того места, где еще змеился по зеленым холмам вал, построенный римлянами при императоре Адриане. Вал из земли и камня призван был сдерживать шотландских варваров, в свое время на нем размещали форты и гарнизоны, лавки и караульные вышки, теперь давно разрушенные. В последний раз Ратлидж был здесь еще в детстве, но он до сих пор все ясно помнил.

Здесь жили, сражались и умирали солдаты, но не из-за этого вал Адриана обладал такой странной притягательностью. Все дело было в невысоких зеленых холмах и бездонном небе. Здесь его окружала атмосфера вечного покоя.

Во время войны во Франции в окопах солдаты стояли бок

о бок, и ни у кого не было никакой личной жизни. Даже когда умолкали пушки, эхо канонады отдавало в костях. Даже спустя несколько часов после артиллерийской подготовки все ходили оглушенные. Над головой проносились аэропланы, лошади вязли в болоте, грузовики тащились по склонам, люди днем и ночью ругались, пели и разговаривали. Раненые после атаки кричали и богохульствовали от боли, лаяли собаки, которые искали живых среди мертвецов.

Сам Ратлидж до сих пор не находил покоя. Ему не давал Хэмиш. Ратлидж ни на минуту не оставался один.

Но здесь тишина казалась осязаемой, ее, казалось, можно было потрогать рукой...

Он стоял, глядя в высокое чистое голубое небо, запрокинув голову и раскинув руки, непроизвольно сжав кулаки. И упивался тишиной.

А ветер утих. Хэмиш, проявляя милосердие, молчал. Птицы не пели, птицы улетели зимовать в теплые края. И даже биение его сердца под пальто казалось приглушенным.

Покой.

Он постепенно заполнял Ратлиджа, окутывая его, словно коконом.

Почти четверть часа простоял он в полном одиночестве, слушая тишину.

Когда он повернулся и зашагал к машине, в глазах его стояли слезы.

И все же он обрел силу, которая была ему так необходима.

Глава 6

Ратлиджу показалось, что Мораг Гилкрист открыла тяжелую парадную дверь еще до того, как он постучал.

Она вела хозяйство в большом доме на южной окраине Эдинбурга при трех поколениях семьи Тревор, трудно было сказать, сколько ей лет. Если бы кто-то спросил Ратлиджа о возрасте Мораг, он бы не смог ответить. Спина у Мораг была прямая, как у армейского старшины, глаза орлиные, а руки мягкие и надежные, как у молодой девушки.

– Мистер Иен!

В первое мгновение ему показалось, что она собирается его обнять. На ее лице заиграла такая теплая улыбка, что у него сразу улучшилось настроение. Ратлидж сам обнял Мораг – она не сопротивлялась, но тут же оттолкнула его, фыркнув:

– Фю! Вы мне платье помнете, молодой человек! Ну-ка, отцепитесь от меня!

Ее черное платье до пола было почти таким же негнущимся и суровым, как она сама. Платье можно было назвать символом Викторианской эпохи и символом добродетельности, как и тяжелую связку ключей на серебряной цепочке, висевшую у Мораг на поясе.

Дэвид Тревор вышел в прихожую из самой ближней комнаты, он крепко сжал руку Иена. Ратлидж посмотрел крестному в лицо, оба они при встрече заново пережили горечь

утраты, о которой ни один из них не заикнулся.

Сын Тревора служил во флоте, его убили на третий год войны. Ратлидж считал Росса почти братом, тем более что родного брата у него не было. Он так и не успел свыкнуться с мыслью о гибели Росса.

Его проводили в гостиную, маленькую, с низким потолком, старомодную, но очень уютную. В очаге весело потрескивал огонь. Собаки, радостно поздоровавшись со старым знакомым, свернулись у его ног, довольно вздыхая. Громко и мирно тикали часы. Стакан с хорошим виски появился у него в руке еще до того, как он уселся на диван напротив любимого кресла крестного. Сразу прошли напряжение и усталость после долгой дороги. Во многих отношениях Ратлидж почувствовал себя дома.

Хэмиш после нескольких часов сердитой перебранки как будто тоже ненадолго успокоился. А может, все было связано с тем, что Ратлидж сам перешел некую мысленную границу, как и невидимую черту на карте? Ратлидж решил, что дело, наверное, и в том, и в другом.

– Как ты доехал?..

Вопрос послужил началом неспешной и нетребовательной беседы, которая продолжалась до тех пор, пока Тревор не услышал, что часы на каминной полке «объявили», что прошло полчаса.

– Мы опоздаем к ужину, и Мораг непременно выберит меня за то, что я держу тебя здесь, хотя тебе наверняка нуж-

но переодеться. Мы приготовили тебе твою прежнюю комнату наверху.

Комната находилась под самой крышей, но Ратлидж помнил, что она вполне просторна и он не испытает в ней клаустрофобии. Он всегда жил в этой комнате в детстве, когда приезжал в гости к крестному, и позже, став взрослым. Сколько он себя помнил, в этой комнате ему всегда было хорошо.

Когда они выходили из гостиной, Тревор хлопнул его по плечу:

– Как же я рад тебя видеть! Надеюсь, ты у нас задержишься! – Он вздохнул и покосился на камин. – Ты только осторожнее с Мораг, ладно? Она уже не та с тех пор, как... в общем, с тех пор, как нам сказали... Теперь ее возраст стал заметнее, и очень жаль. Ты ведь знаешь, как она его любила... – Он не договорил.

– Да, я знаю, – с трудом выговорил Ратлидж и направился по коридору к лестнице.

От горя у него перехватило горло. Росс был умен и красив, ему суждено было блестящее будущее в отцовской архитектурной фирме. А вместо этого он лежит на дне морском в окружении покореженных металлических обломков... Еще один моряк, чью гибель увековечивает на земле лишь военный мемориал. Ратлидж узнал о гибели Росса во Франции, теплым весенним утром, предвещавшим очередную газовую атаку. Времени на то, чтобы оплакать Росса, у него не было.

Такая возможность на фронте выпадала редко.

Мораг принесла ему горячую воду и чистые полотенца. Она стояла на пороге его комнаты, сжав руки перед собой, и ждала, когда Ратлидж поднимется и подойдет к ней. Мораг не сводила взгляда с его лица. Она помнила его совсем маленьким, ругала его за проказы, приберегала для него пирожки после чая, лечила царапины и чинила рубашки, которые он рвал, лазая по деревьям. Ратлидж не имел права отводить взгляд. Он улыбнулся.

– Значит, на войне тебя ранило?

– Все раны вполне излечимы. – Ратлидж допускал ложь во спасение.

Но Мораг, видимо, прочитала у него на лице нечто большее.

– Да, так ты и в письмах писал, но ведь в письмах всего не скажешь, верно? Я хотела посмотреть сама... – Помолчав, она вдруг спросила: – Ты, наверное, гредишь?

Он молча кивнул.

– Да. Так я и думала. Ничего. Это пройдет. В свое время, когда Господь пожелает.

Следом за ним она вошла в комнату, разгладила полотенца на вешалке, поправила занавески, чуть передвинула кресло, обитое английским ситцем. Потом тихо сказала:

– Ты уж поосторожнее с самим-то, ладно? Он ведь до сих пор сам не свой... Наверное, ты уже заметил, как сильно он сдал.

Ратлидж действительно заметил перемену. В волосах крестного появилось больше седины, складки в углах рта углубились, под глазами залегли темные круги.

– Тревор состарился, но не от возраста.

– Вот именно, – кивнула Мораг. – Не позволяй ему сидеть и вспоминать...

– Не позволю.

– Утром спускайся ко мне на кухню.

– Приду, а как же, – ответил Иен, и Мораг широко улыбнулась.

– В воскресенье испеку тебе к завтраку горячие лепешки, – пообещала она. Лепешки были напоминанием о детстве. Она стала спускаться по лестнице, чтобы закончить приготовления к ужину.

В тот вечер Ратлидж и Дэвид Тревор после ужина засиделись за портвейном. Тревор достал книгу, присланную ему молодым архитектором, который поступил на работу в его фирму в 1912 году. А через пять лет, в 1917 году, Эдвард Харпер погиб. Его вместе с полудюжиной солдат разнесло в клочья, когда рядом с ними взорвалась повозка с боеприпасами.

– Скажи-ка, что ты об этом думаешь. – Судя по тому, как крестный бережно развернул книгу и протянул ее Ратлиджу, тот понял, насколько высоко Тревор ценит подарок.

Даже на фронте, во Франции, Харпер ухитрился рисо-

вать. Он набрасывал акварелью то, что его интересовало, – портреты людей разных званий и подразделений, с которыми он знакомился на войне. Ратлидж любовался африканскими егерями, малайскими кули, французскими драгунами, самоуверенным австралийцем с дерзкой улыбкой. Он долго рассматривал портрет сикха из Восточно-индийского полка в противогазе, его пышная черная борода окаймляла противогаз как пышная оборка. Дальше шли наброски индусов в разнообразных тюрбанах – из всех провинций, откуда на фронт прибывали индийские части. На стороне французов воевали спаги, легкие кавалеристы, – уроженцы Алжира, Туниса и Марокко, они собирали трофеи. Далее Ратлидж увидел шотландцев в килтах и бельгийского пехотинца в необычном шлеме. Все портреты обладали бесспорной индивидуальностью, все давали представление о характере персонажей. Рисунки служили доказательством примечательного таланта.

– Чудо! – воскликнул Ратлидж, не кривя душой. Помимо всего прочего, акварели Харпера служили отличными иллюстрациями к парадной стороне войны, радостной и пестрой, без убитых, раненых и ужасов. Такие рисунки спокойно можно послать домой. Правда, этого Иен Тревору не сказал.

Ратлидж листал страницы альбома, вспоминая всех, кто погиб у него на глазах. Сколько же талантов зарыто в землю, сколько несбывшихся надежд! И чего ради? Хотелось бы ему знать...

– Я помешу их в рамки и повешу на работе, – заявил Тре-

вор. – Будет тоже своего рода мемориал... – Осушив бокал, он неожиданно гневно продолжил: – Какая бессмысленная потеря! Господи, сколько же людей погибло напрасно!

И Ратлидж, глядя в лицо крестному, понял, что он думает о своем сыне.

Как ни странно, выходные стали целительными для них обоих. Рано утром они выходили на прогулку, потом сидели у камина и неспешно беседовали, выводили собак в лес побегать и поиграть, по общему согласию оставив ружья дома. Хватит с них смертей и убийств...

Хэмиш, никуда не исчезающий, почти все время помалкивал, как будто и он тоже находил радость в разносторонних интересах Тренора и его мягком юморе. Интересно, подумал Ратлидж, понравились бы они друг другу? И способно ли его драгоценное, пусть и ненадежное, умиротворение удержать Хэмиша на расстоянии вытянутой руки. Но стоило Ратлиджу остаться одному, все возвращалось на круги своя. Сила его духа снова подвергалась испытанию.

Утром в воскресенье, спустившись на кухню, он застал Мораг не одну.

В большой комнате с железной плитой и старомодным очагом приятно пахло свежими лепешками. Из-за стола ему навстречу встал худой блондин в полицейской форме. Констебль полиции Шотландии.

Сняв с плиты вскипевший чайник, Мораг сообщила Рат-

лиджу:

– Он ни за что не хочет уходить. Его фамилия Маккинстри, и он внук двоюродного брата мужа моей покойной сестры. Он приехал к тебе, хочет с тобой поговорить. – В Шотландии друзья, знакомые и родня значат очень многое.

– Маккинстри, – повторил Ратлидж, беря стул и придвигая свою чашку к Мораг, которая приготовилась разливать чай. – Что привело вас сюда?

– Инспектор Ратлидж, – официально обратился к нему молодой шотландец, – если честно, я и сам не знаю, сэр. То есть приехал-то я по делу, но дело касается меня.

– Может быть, это и к лучшему. Здесь я не уполномочен ничем заниматься. У меня выходной.

– Да, сэр. Мне так и сказали. – Констебль Маккинстри смущенно покосился на Мораг. Она, очевидно, ясно дала понять, что даже ее родственники не имеют права мешать гостю «самого». – Живу я возле Джебборо. Наш городок совсем маленький и стоит вдали от больших дорог... Вряд ли вы слышали про него, сэр. Он называется Данкаррик.

Хэмиш, который с тех пор, как они пересекли границу, все сильнее нервничал, начал бурно рассуждать, при этом он сам задавал себе вопросы и сам отвечал. Ответы Хэмишу явно не нравились.

Данкарриком назывался городок, откуда приехал инспектор Оливер, так разгневавший леди Мод Грей.

– Нет, я о нем слышал.

Мораг поставила перед ним тарелку с горячими лепешками и блюдец с маслом. Проклиная Маккинстри, Ратлидж взял нож и из вежливости приготовился слушать. Сам того не зная, констебль напомнил Ратлиджу о деле, которое тот собирался на несколько дней выкинуть из головы. Хэмиш, взволновавшись, как и сам Ратлидж, только добавлял сумбура в его голову.

Лицо констебля просветлело.

– Место у нас тихое, спокойное. И всех жителей я хорошо знаю. Не могу сказать, что они хуже, чем в соседнем городишке или других...

– К делу, Маккинстри! – одернула его Мораг.

Лепешки оказались превосходными. Ратлидж часто вспоминал их на фронте – еда там была ужасная, но спустя какое-то время все переставали замечать это. И все же бывали времена, когда в памяти всплывало что-то любимое, довоенное, домашнее... Россу казалось, что лакомство из его прошлого тает во рту. Ратлидж невольно подумал о Россе, который всегда сидел за столом напротив и широко улыбался, пока они вдвоем уплетали лепешки, опустошая блюдо.

Маккинстри откашлялся, не ведая, что стоит за стулом Росса, он держался за теплую деревянную спинку, пробуждая в Ратлидже печальные воспоминания.

– Вчера вечером инспектор Оливер обмолвился, что из Лондона пришлют человека, который поможет нам расследовать пропажу дочери леди Мод Грей. Инспектор назвал его

фамилию – Ратлидж. Утром я приехал к Мораг и спросил, не ее ли это знакомый. Она ответила, что вы приехали отдохнуть, но если я вас не задержу, то можно и обратиться к вам...

Ратлидж сунул в рот очередную лепешку и посмотрел молодому констеблю в лицо. «Из Лондона пришлют человека... назвал его фамилию – Ратлидж...» Он резко развернулся к Мораг, но та стояла к нему спиной, склонившись над духовкой.

Когда в пятницу утром он звонил на работу, его не предупредили о том, что придется ехать в Данкаррик. Неужели он обязан лично докладывать шотландским коллегам, как прошла беседа с леди Мод? Очень похоже на Боулса! Старший суперинтендент с радостью готов был бросить подчиненного в пасть волкам, если чуял неприятности. У него настоящий дар выгораживать себя в нужное время! А может, поступили новые сведения из клиник при медицинских школах? Как бы там ни было, у Ратлиджа возникло неприятное чувство – его собираются сделать жертвенным агнцем...

Опомнившись, он сообразил, что Маккинстри продолжает говорить:

– ...И меня волнует, что вам могли порассказать в Лондоне, к тому же она сейчас в тюрьме и ждет суда...

«Кто в тюрьме?!»

– Мы только что говорили об Элинор Грей, – вслух произнес Ратлидж.

– Да, сэр, вы совершенно правы, но у нас в лучшем случае всего одна улика, да и та косвенная. И все равно мне кажется, что даже одной улики хватит, чтобы ее повесили. Если присяжных наберут из Данкаррика, они единогласно признают ее виновной, еще до того, как услышат хотя бы слово. Менять общественное мнение очень трудно, да и нет у меня такой способности, – с серьезным видом продолжал Маккинстри, и Ратлидж расслышал в его голосе внутреннее напряжение. – Но неужели ничего нельзя сделать? Поэтому я приехал к вам... Вы можете подойти к делу непредвзято. Помогите, если нам не удастся ее спасти, грош нам цена как стражам порядка!

Просьба была высказана от всего сердца, хотя очень напоминала нарушение субординации. Констебль, молодой и решительный, прекрасно понимал, что, оспаривая решение, принятое непосредственным начальством в Данкаррике, он рискует своей карьерой. И все же он верил в то, что считал своим долгом, и решил довериться постороннему человеку. В Скотленд-Ярде нашлось бы немало людей, кто охотно обвинил бы Маккинстри... Констеблю не полагается иметь собственное мнение.

Но Ратлидж остался глух к его призыву, пока все его сведения были односторонними.

– Я понятия не имею, о чем вы говорите, – ровным тоном произнес он. – До сих пор мое начальство ничего мне не говорило. Я приехал сюда, чтобы побеседовать с леди Мод

Грей и только, ни о каком следствии в Данкаррике речи не было. — Когда Мораг поставила перед ним блюдо с яичницей, Ратлидж посмотрел на молодого констебля и предложил: — Ради всего святого, старина, сядьте и поешьте, тогда и я смогу спокойно позавтракать!

Маккинстри густо покраснел и ответил:

— Я уже позавтракал, сэр... если вы не против, конечно!

— Тогда выпейте чаю. И начните сначала. Констебль выдвинул стул и покосился на Мораг. Та, не говоря ни слова, поставила перед ним чашку. Всем своим видом она давала понять, что Маккинстри перешел границу. Она неодобрительно поджала губы.

Хэмиш, оживившись, заметил: «Он верит в то, ради чего сюда приехал».

Маккинстри налил себе чаю и машинально добавил молока и сахара, как приговоренный, решивший храбро съесть последнюю трапезу. Затем, не прикасаясь к чаю, он довольно сухо начал:

— В нашем городке живет одна женщина. Хорошая женщина... но про нее кто-то стал писать анонимные письма. Их присылали не по почте, понимаете? Подсовывали под двери или прикалывали прищепкой к бельевой веревке, там, где их первым делом заметят утром.

— Ясно, анонимные письма. Что в них? Обычно у анонимных писем бывает тема.

— В двух словах, сэр, в письмах ее называют распутницей.

Естественно, среди соседей пошли слухи, разговоры. Никто ни в чем ее не обвинял открыто. И вот что мне труднее всего понять. Никто не дал ей возможности объясниться. Все тут же повернулись к ней спиной. Оказалось, видите ли, что она лгала соседям, и они решили, что она предала их доверие. – Констебль нахмурился. – Наверное, они сами убедили себя в том, что она кругом виновата, чтобы оправдать потом свои поступки... Другого объяснения я не вижу. Дальше – хуже. После обвинений в распутстве ее обвинили в том, что она убила мать ребенка, которого потом выдала за своего. По этому обвинению ее и арестовали. Инспектор Оливер расскажет вам о том, как нашли кости... А мне не дает покоя вот что: присяжные с радостью признают ее виновной и приговорят к повешению. Все решили, что их одурачили, и они хотят за это отомстить. – Маккинстри вспомнил о чае, отпил глоток, обжег язык, но заговорил снова, отчаянно желая, чтобы гость из Лондона его понял: – То, что у нас сейчас творится, напоминает мне времена охоты на ведьм. Тогда многие верили в колдовство и потому посылали невинных людей на плаху или топили. Многих охватила истерия, и никто не прислушивался к доводам рассудка. По-моему, то же самое происходит и сейчас. Не знаю, почему я сам не заразился... – Маккинстри, конечно, знал, только не хотел в этом признаться даже себе – он влюблен в Фиону и считает ее жертвой, а не убийцей. Может быть, он тоже подвержен истерии... Подумав об этом, констебль вдруг испугался.

– Вы были одним из тех, кто вел следствие? Тогда вы должны точно знать, насколько обоснованны выдвинутые против нее обвинения, – заметил Ратлидж. – У нее хороший адвокат? Судя по тому, что вы рассказываете, хороший адвокат ей не помешает.

– Да, хороший... хотя мне он и не нравится. Я все время пытаюсь докопаться до сути, потому что мне кажется, что никто, кроме меня, не занимается делом всерьез. И пусть мы нашли улику, которая изобличает ее... Может быть, найдутся и другие улики, указывающие на кого-то другого! Только я не умею их найти. Даже не знаю, с чего начать. У нас в Данкаррике преступления совершаются нечасто.

– Но ведь вас учили расследовать преступления, – возразил Ратлидж. – В чем же трудность?

Маккинстри пальцем сделал дорожку в горке сахара, которую он, разволновавшись, просыпал рядом с чашкой.

– Я могу найти вора. Могу наказать человека, который бьет жену. Могу сказать, кто вломился в дом Макгрегоров. Стоит мне бросить взгляд на старика, который живет в хижине у ручья, и я сразу понимаю, своего или чужого ягненка он изловил и зажарил... В таких делах я разбираюсь. А в том, о чем я сейчас вам рассказал, – нет. Пересуды и сплетни расходятся по округе, и никто не знает, с кого все началось. Вот что особенно меня тревожит. Непонятно, с чего и с кого все началось. Здесь обронили словечко, там посмотрели, пожали плечами – и совершенно невозможно выяснить, кто

за всем стоит. Инспектор Оливер уверяет, что это не важно, что мы-то свое дело сделали, раскрыли убийство. Теперь дело можно передавать в суд. Но, по-моему, важно понять, как и где все началось. Иногда мне кажется, что сплетни живут собственной жизнью! Как будто привидение бежит и нашептывает их всем. Понимаю, сэр, вам мои слова кажутся странными, но я ничего больше не могу придумать.

Странно или нет, в голове Ратлиджа появился четкий образ.

– Слухи способны убить, – согласился он. – Особенно если люди готовы в них поверить. Но, конечно, если бы ничего, кроме сплетен, не было, вряд ли прокурору-фискалу¹ и главному констеблю позволили бы довести дело до суда! Маккинстри с мрачным видом покачал головой:

– Я сам ночами не сплю, все гадаю, как так вышло. Трудно представить, чтобы главного констебля ввели в заблуждение, он не из легковых. Что такого ему известно? Почему он уверен, что дело можно передавать в суд?

Ратлидж задумался.

– Анонимные письма обычно рассылают трусы. Вот что необходимо принимать во внимание. Постарайтесь выяс-

¹ В Шотландии исторически действует система должностного государственного обвинения по уголовным делам, осуществляемая в публичных интересах службой так называемых прокуроров-фискалов. Прокуроры-фискалы могут принимать решение о возбуждении уголовного преследования, принимать к своему производству наиболее сложные уголовные дела. Прокурор-фискал может поручить провести дознание с получением отчета по делу.

нить, кто втайне имеет зуб на ту молодую женщину. Возможно, мы с вами и не подумали бы осуждать ее за тот или иной поступок... Наверняка окажется, что она допустила какую-нибудь мелкую оплошность. Скорее всего, задела кого-то. И едва ли ее вина заключается в сознательном искажении истины... Скорее в умалчивании...

– Самый большой жалобщик в Данкаррике – ее сосед. Характер у него скверный, но вряд ли он способен сочинять анонимные письма. Такой не станет скрывать свои чувства, он любит помахать кулаками.

– А может, он воспылал к ней страстью, но она его отвергла? Или он решил, что она предпочла ему другого...

– Хью Олифант в роли отвергнутого возлюбленного? – хмыкнул Маккинстри. – Да ведь ему за семьдесят! И жена следит за ним как кошка за мышкой, хотя он всегда предпочтет хорошенькому личику кружку пива!

– Ну, значит, его жена. Или другая женщина, которая заподозрила, что ее муж испытывает большой интерес к обвиняемой.

– Есть у нас такая Молли Брэддок, в девичестве Молли Синклер. Томми Брэддок рукастый, он время от времени выполнял для обвиняемой разные поручения. Чинил оконную раму, когда там сломалась задвижка, прошлой весной прочищал трубу – там птицы свили гнездо. Томми человек веселый, у него все ходят в друзьях. А Молли – собственница. – Маккинстри покачал головой. – Имена-то я вам назову,

назвать имена – дело нехитрое. А все-таки я не могу представить, чтобы кто-то из соседей день за днем сочинял такие злобные бредни.

«Он хороший полицейский, – заметил Хэмиш. – И человек, судя по всему, неплохой. Спокойный, миролюбивый».

Мысленно согласившись с Хэмишем, Ратлидж намазал маслом последнюю лепешку.

– Тогда давайте пойдем в другую сторону, – предложил он. – Анонимные письма пестрят цитатами из Библии?

– Да, сэр! Как вы догадались?

– Авторы анонимных писем довольно часто прикрываются Священным Писанием. «Тебя карает Господь, а не я! Он тебя судит, не я».

Маккинстри вздохнул:

– Такую склонность можно приписать половине наших жителей. Нравы у нас строгие, мы любим выискивать грехи за каждым углом. А кто ищет, тот, как правило, находит.

– Вы понимаете, – продолжил Ратлидж, внимательно разглядывая молодого человека, – что анонимные письма могут и не иметь отношения к тому преступлению, в котором ее обвиняют? Может статься, что письма просто привлекли внимание к фактам, которым до тех пор никто не придавал значения. А как только полиция что-то заметила, правда всплыла на свет.

– Нет, сэр, – ответил Маккинстри, защищая свои убеждения и невольно сердясь на приезжего из Лондона, на которо-

го он возлагал такие большие надежды. – Пока не представят более убедительные доказательства, я не могу признать ее виновной. Иногда... – он замялся и покосился на Морага, – иногда все заранее убеждены в том, что человек виновен, и потому не ищут в доказательствах ошибок. Я хочу сказать, что из-за тех писем в Данкаррике все охотно ее обвиняют. Именно письма заложили основу всему, что случилось потом.

Легко подогнать улики под свою версию...

– Да, понимаю, – сдержанно ответил Ратлидж. – Кстати, в том и заключается цель судебного процесса – открыто и беспристрастно рассмотреть все доказательства.

Хэмиш что-то проворчал, как будто не был согласен с Ратлиджем.

– Если присяжные прислушаются, – возразил Маккинстри, – тогда все в самом деле получится честно и беспристрастно. Но что, если присяжные не желают прислушиваться к доводам разума, потому что осудили ее заранее? Вот чего я боюсь, сэр, потому что уж я-то своих подопечных знаю. Стыдно признаться, но я не верю в присяжных, у которых закрыт разум. – Он глубоко вздохнул. – И с мальчиком что будет? Очень его судьба меня тревожит. Насколько мне известно, отца у него нет. – Он смотрел в окно, а не на Ратлиджа. – Она хорошая женщина и хорошая мать. Сказала, что он ее сын, и я ей верил. А теперь говорят, что она убила мать, ребенка забрала, а тетку и всех остальных обманула.

– За ребенка представители закона не отвечают, – сказал Ратлидж, вспомнив о леди Мод Грей. Интересно, признала бы она внебрачного ребенка своей дочери? Правда, леди Мод наотрез отказывается верить в то, что ее дочь умерла. На свете случались и более странные вещи. Почувствовав на себе пристальный взгляд Мораг, он обернулся. Старуха покачала головой, словно ей было все равно, что он ответит, но Ратлидж понял – она разочарована. То же самое испытывал и Хэмиш. По-прежнему имея в виду леди Мод, Ратлидж спросил: – По какой причине Оливер связал молодую женщину из Данкаррика с трупом, обнаруженным в Гленко? Кроме всего прочего, два этих места расположены совсем не рядом!

Маккинстри, которому гораздо проще было отвечать на прямые вопросы, чем разбираться в своих чувствах, немного успокоился.

– Как только стало ясно, что мальчик не может быть ее сыном, мы начали разыскивать его мать. Разослали запросы в Глазго и Эдинбург, даже в Англию посылали. Парнишке скоро исполнится три года, мы не ожидали, что все окажется просто. Инспектор Оливер считал, что нужно вести поиски там, где жила обвиняемая до того, как переехала жить в Данкаррик, – след привел нас в горную долину. В прошлом году там нашли человеческие останки – женские кости. Их так и не опознали. – Маккинстри помолчал, глядя в чашку, а потом вскинул голову и посмотрел Ратлиджу в глаза. – Поли-

ция Гленко почти уверена, что их не было там в марте шестнадцатого года, когда они обшаривали всю долину в поисках старого пастуха, который выжил из ума и пропал. А местные уверяют, что несчастная, скорее всего, оказалась там в конце лета или в начале осени – весной пастухи, перегоняющие овец, наверняка обратили бы внимание на воронов. Мы сообщили им то, что нам известно. И вдруг с нами связался инспектор из Ментона, его интересовали подробности. Жители Данкаррика сразу поверили в эту версию. И инспектор Оливер не считает нужным подвергать ее сомнению... – Он замолчал. Внезапно ему стало не по себе.

Ратлидж решил не торопить молодого констебля. Немного успокоившись, Маккинстри продолжил:

– Как бы там ни было, и полиция, и прокурор-фискал приняли за версию, что матерью мальчика была пропавшая без вести Элинор Грей, которая скончалась в Гленко при подозрительных обстоятельствах. Она была примерно такого же роста, что и... покойная, да и время совпадает. Если она весной поссорилась с матерью, а потом доносила ребенка до положенного срока, родить она должна была в конце лета. Тогда парнишка и родился. Инспектор Оливер получил и другие ответы на свои запросы, но ни один не сходилась. – Маккинстри глубоко вздохнул. Хотя в глубине души он был убежден в невинности Фионы, он понимал, что в доказательствах есть неопровержимая логика.

– Даже если вести дело поручат мне, не понимаю, как я

найду то, чего не нашли вы, – возразил Ратлидж. Ему стало ясно, что сам Маккинстри необъективен. Интересно, подумал он, какие отношения связывают молодого констебля с обвиняемой.

– А вы подскажите, – взмолился Маккинстри, – как доказать, что она никому не причиняла вреда! Как пресечь злобные слухи до того, как дело дойдет до суда! Не хочется думать, что она пойдет на виселицу из-за моей ошибки! Но боюсь, случится самое худшее. И я не могу этому помешать!

Как только Маккинстри ушел, Ратлидж сказал Мораг:

– Напрасно он сюда приезжал. Он неправильно поступил. Он услышал, как по лестнице легко сбегает Тревор и свистом подзывает к себе собак. С его приездом крестный явно оживился.

– А что в этом плохого? – Мораг потянулась за сковородкой. – Алистер – парень честный и хочет исполнить свой долг. Или я должна была прогнать его, даже не дав высказаться? Ведь я доверяю твоим суждениям и считаю тебя справедливым!

– Понимаешь... я не веду то дело. Его ведет инспектор Оливер. А меня Маккинстри не знает. Я мог бы создать ему неприятности, доложить, что он обратился ко мне через голову непосредственного начальника. Или, еще хуже, потребовать, чтобы на него наложили взыскание за то, что он пытался повлиять на мои поступки. – Уж Боулс именно так и

поступил бы... Неожиданно в голову Ратлиджу пришла еще одна мысль: – А тот ребенок не может быть его?

– Он тоже воевал во Франции. Кстати, он тебя знает. Встречался с тобой на перевязочном пункте или в госпитале... Его тогда ранило в ногу. По его словам, он не встречал в жизни таких храбрецов, как ты. Ты тогда только что доставил в госпиталь троих солдат, отравленных газами, их приняли за мертвых и бросили возле немецких позиций... Ты каким-то образом нашел их и вытащил. Тогда Алистер рад был, что пожал тебе руку.

По коридору шагал Тревор и разговаривал с собаками. Большая кухня вдруг показалась Ратлиджу маленькой, тесной и душной. Хэмиш, оживившись, повысил голос, он как будто стоял совсем рядом. Ратлидж почти забыл тот день на перевязочном пункте и, конечно, не помнил лица солдата, лежащего на носилках и пожавшего ему руку. Ему тоже обработали и вычистили рану на запястье, Ратлидж совсем не чувствовал боли. Это случилось вскоре после гибели Хэмиша, тогда Ратлидж часто сознательно рисковал. Он хотел умереть. Его вела не смелость, а отчаяние – что угодно, лишь бы замолчал голос в голове. Лучше уж смерть!

Мораг что-то говорила, но он не слышал ее слов. Тревор поздоровался с ним, собаки запрыгали у его ног.

– Иен, что с тобой? – спросил крестный.

Ратлидж потрянул головой:

– Все хорошо. Мораг рассказывала о своем родственнике.

Ее рассказ навеял воспоминания, только и всего. — Обернувшись к Мораг, он признался: — Очень жаль, но я его совершенно не помню.

Позже, идя с Тревором к ручью, Ратлидж снова задумался о Маккинстри. Молодой полицейский связывал с ним последние надежды. Он хотел, чтобы Ратлидж пообещал: если дело поручат ему, он постарается рассмотреть его объективно и не позволит чужим суждениям влиять на ход своих мыслей.

Но при чем здесь он? То, что произошло в Данкаррике, его никак не касается. Он закончил свои дела с леди Мод, а остальным пусть занимается суд. Он не хотел задерживаться в Шотландии.

Утром в понедельник Ратлидж позвонил в Лондон из кабинета Дэвида Тревора.

Боулс, которого позвали к аппарату, отрывисто спросил:

— Ратлидж, это вы?

— Да. — Он вкратце описал свою беседу с леди Мод и под конец резюмировал: — Сейчас трудно что-либо утверждать наверняка. Мне показалось, что она не знает, где находится ее дочь. Вполне возможно, что она проходит обучение в какой-нибудь клинике при медицинской школе...

— Мне уже принесли списки студентов. Среди желающих стать врачом Элинор Грей нет.

– Возможно, она поступила на курс под другой фамилией...

– Да-да, я все понимаю, но ни один человек не соответствует тем приметам, какие вы дали сержанту Оуэнсу. По-моему, в чем бы ни состояла причина ссоры, молодая женщина уехала из дома вовсе не ради того, чтобы посвятить свою жизнь медицине. Возможно, она не сказала матери правды. – Боулс помолчал. – Зато мы тут кое-что выяснили про Элинон Грей. Она была суфражисткой. Независимой девицей, ее несколько раз арестовывали за то, что она приковывала себя к изгородям и устраивала публичные демонстрации. По-моему, такая молодая особа рано или поздно попадет в беду. Сержант Гибсон ее вспомнил, он видел ее еще до войны. По его словам, еще тогда у нее были неприятности с полицией. Может быть, с тех пор она переменилась... Или умерла. – Боулс глубоко вздохнул, демонстрируя, что намерен сменить тему. – Леди Мод нам звонила. Вы должны поехать в Шотландию и выяснить все, что только можно, насчет того трупа. Леди Мод особенно просила, чтобы дело поручили вам, а ее семью не примешивали, чтобы не распространяли слухов о ее дочери ни на публике, ни частным образом до тех пор, пока вы не будете совершенно уверены, что труп принадлежит Элинон Грей. Что вы ей наговорили, черт побери?

Глава 7

В то же утро в десять часов Ратлидж расспросил Тревора, как ему доехать до Данкаррика, взял приготовленный Мораг большой пакет с бутербродами, сел в машину и отправился на юго-запад, к Джедборо и Твидсдейлу. Солнце то проглядывало, то снова пряталось за облаками, пару раз он попадал под ливень, после дождя пахло влажной землей. Когда выходило солнце, на холмы ложились длинные тени, они то исчезали, то появлялись вновь, как по волшебству, когда облака меняли свое расположение на небе. В Шотландии небо всегда казалось больше, чем в Англии, оно было другим. Просторным и пустым, как будто Бог на время куда-то вышел.

Ратлидж приехал в Шотландию на выходные, которые обещал провести с крестным, а теперь его здесь удерживал долг. Им овладело предчувствие чего-то дурного, стало не по себе, развеялось спокойствие, обретенное на валу Адриана. И Хэмиш, обитавший на своем привычном месте, за спиной Ратлиджа, так же как и он, волновался из-за того, какой оборот приняли события. Ратлидж слышал его голос так отчетливо, как будто сзади в самом деле сидел пассажир. Он ругался и упрямо отказывался смириться с переменой в их планах.

«И больше я в долину не вернусь...»

Ратлидж пытался утихомирить его, но пал жертвой друго-

го призрака, пробудившегося из-за горя.

В автомобиле вместе с ним находился и призрак Росса Тревора, чье присутствие Ратлидж отчетливо ощущал в Лодже. Во Франции он на время смирился со смертью Росса, но в доме, где Росс прожил более двадцати пяти лет, казалось, что он просто ненадолго вышел – скрылся в коридоре или поднялся наверх, в свою комнату, или катается верхом и скоро вернется... или шутит с Мораг на кухне. Его смех всегда был слышен задолго до того, как Росс быстрым шагом входил в комнату... Присутствие Росса Тревора в родительском доме было ощутимым, Ратлидж не раз ловил себя на том, что прислушивается к тиканью старинных часов или ветру, который завывает под крышей, ожидая какого-то знака. Казалось невозможным, чтобы такой человек исчез безвозвратно, проглоченный морем...

За последние четыре месяца Ратлидж постепенно начал осознавать, сколько тягот вынесло гражданское население за долгие, темные дни, когда росло число убитых и раненых и казалось, что боям не будет конца. Солдаты на фронте относились к смерти по-другому. Правда, там были другие ужасы. «Время плакать...»²

Интересно, испытывает ли Дэвид то же ожидание, предчувствие или предупреждение, что и он, и если испытывает, то как справляется с собой. Ему показалось, что для отца Росса и для Мораг такие чувства, как ни странно, могли

² Еккл., 3: 4.

служить утешением.

«Они ведь не видели, как он умер, – подхватил Хэмиш. – Они не закрывали крышку гроба и не бросали на нее комья земли. Как и я, он просто не вернулся домой. Поэтому они до сих пор ждут...»

В Джедборо, как и в соседних городках, от Бервика до Дамфри, была еще не та Шотландия, где носят килты, играют на волынках и любят Красавчика принца Чарли³. Ратлидж очутился в приграничном районе, разделившем Шотландию и Англию. Много веков в здешних городках Шотландской низменности велась другая война: местные жители совершали набеги на Англию за крупным рогатым скотом, овцами и лошадьми. И люди здесь жили суровые.

Англичане тоже совершали набеги на север, они действовали с не меньшим пылом и с такой же хитростью. Так здесь жили до начала семнадцатого века, иногда власти закрывали на происходящее глаза, иногда – нет, но набеги были делом вполне прибыльным и считались едва ли не главной местной отраслью промышленности. Конец им положил лишь союз между Шотландией и Англией.

³ Принц Чарли, Карл Эдуард Стюарт (1720–1788) – предпоследний представитель дома Стюартов. В 1766–1788 гг. претендовал на английский и шотландский престолы как Карл III. Предводитель восстания против дома Ганноверов в Шотландии, которое в народе воспринималось как восстание против власти англичан. Считается важной фигурой в истории Шотландии, стал популярным героем шотландского фольклора.

Необузданные нравы жителей приграничья претерпели изменения благодаря Джону Ноксу⁴. С годами люди здесь стали более чопорными, трудолюбивыми и богобоязненными. Они почитали день субботний, женщины знали свое место, а пресвитерианская церковь Шотландии оказывала на повседневную жизнь гораздо больше влияния, чем Эдинбург и тем более далекий Лондон.

О набегах и их участниках слагали легенды. В балладах и сказках прославляли отважных разбойников Сима-помещика, Джока с горы и Кинмонта Вилли. В конце концов, это была земля, на которой из-за переменчивой политики, войн, междоусобиц и союзов граница часто переносилась в ту или другую сторону. То, что сегодня мое, завтра может стать твоим, и любимым занятием местных жителей стало возвращение «своего».

Когда Ратлидж въехал в Джедборо, снова полил дождь, он с трудом нашел поворот на Данкаррик, оказавшийся маленьким городком среди зеленых холмов между реками Эр и Твид. В центре его находилась площадь неправильной формы, вокруг нее расположились дома, лавки и отель. По одну сторону площади Ратлидж увидел старый памятный знак, установленный в память о том, что в начале пятнадцатого века городок сгорал дотла три раза за тридцать лет. Памятник высился на почетном месте, как одинокий часовой, кото-

⁴ Джон Нокс – крупнейший шотландский религиозный реформатор XVI в., заложивший основы пресвитерианской церкви.

рый охранял прошлое от наступающего со всех сторон нового времени. Остальные дома, некоторые старинные, стояли беспорядочно к западу от центральной площади, среди них Ратлидж заметил скромный паб, который, судя по деревянной вывеске над дверью, назывался «Разбойники». Во всем Данкаррике насчитывалось едва ли больше дюжины улиц, центр городка выглядел заброшенным. Казалось, Данкаррик один сохранял старый уклад, не задетый развитием шерстяной промышленности, как его соседи.

«У нас в горах таких городков нет, – задумчиво заметил Хэмиш. – Но его не назовешь и вашим, саксонским... то есть английским». Хэмиш был прав, здесь в самом деле атмосфера была другой, нежели в английских приграничных городках, куда отсюда было не так уж далеко.

В Джебборо в свое время возвели оборонительные сооружения, стены, башни, замок и аббатство. Данкаррик же так часто сжигали до основания, что от его прошлого сохранилось немного. Ратлидж заметил небольшую дозорную башню, в которой в мирное время просто жили. Башня стояла посреди поля, примерно в миле от последнего дома городка. Годы и непогода превратили оборонительное сооружение в высокую груду камней. Уцелели лишь два нижних этажа. Ратлидж заметил, что дверь, ведущая в башню, приоткрыта, и, проехав мимо, остановился, машину оставил на траве в ста шагах от дозорной башни.

Он вышел, чтобы размять ноги, и решил немного прогу-

ляться, а заодно осмотреть башню.

Дозорные башни часто встречались в семейной истории Ратлиджей, и потому Ратлиджа они очень занимали. В годы, когда люди постоянно опасались за свою жизнь, такие сооружения защищали их от опасности и непогоды. Когда-то предки Ратлиджа тоже жили на границе с Шотландией, только с английской стороны. Мужчины участвовали в набегах. И вот наконец одна женщина, оставшись вдовой с тремя маленькими сыновьями, в поисках мирной жизни подалась на юг. Проницательная и способная, она заложила основы будущего процветания семьи. Жительница приграничья во всех смыслах пришлась ко двору в искушенном и утонченном Лондоне эпохи Тюдоров.

В лондонском доме сохранился ее портрет: безупречный плоеный воротник поднимался вокруг ее головы и был похож на нимб. Решительный подбородок и живые, умные глаза – художник Елизаветинской эпохи изобразил ее очень талантливо. Где бы ни стоял зритель, ему казалось, что женщина с портрета смотрит на него. В детстве Ратлидж, что вполне понятно, путал ее с Богом.

Иен брел по невспаханному полю, окружавшему основание башни. Где-то вдали заблеяли овцы, потом во влажном воздухе он почувствовал их запах. Задрав голову, он смотрел на массивные каменные стены и просевшую крышу башни, где гнездились птицы. В выбитых окнах гулял ветер. Вдруг Ратлидж уловил какое-то движение. Кто-то шел за

ним. Обернувшись, он увидел человека с обветренным лицом в грубой крестьянской одежде и низко нахлобученной шляпе.

– Доброе утро! – крикнул незнакомец, заметив, что Ратлидж обернулся. – Что-то ищете?

– Нет, просто подошел полюбоваться башней. – Ратлидж дождался, когда незнакомец подойдет ближе, и продолжил: – Просто поразительно, до чего искусными были мастера, которые построили ее. Сколько лет она здесь стоит – четыре-ста, пятьсот?

– Около того. Согласен, работа тонкая. Времена тогда были тяжелые, как говорится, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Башня принадлежала предкам моей жены. Она знает ее историю лучше, чем я. – Незнакомец снял шляпу и вытер лоб рукавом. – Боже, здесь все пропахло овцами. Раньше я разводил упряжных лошадей... Но почти всех лошадей реквизируют для армейских нужд, и мне пришлось начинать все сначала. Овцы помогают мне продержаться... – Он улыбнулся. – Сам не знаю, то ли я их перережу, то ли они меня загонят в могилу. Глупые создания. Даже собак они раздражают.

Для фермера он говорил слишком хорошо. Его речь выдавала образованного человека.

– Мне бы тоже не очень хотелось иметь дело с овцами, – согласился Ратлидж.

– Вы здесь в отпуске? У нас можно найти хорошие места

для прогулок, если знать, чего искать. Главное, закрывайте ворота, которые открываете, чтобы пройти, и оставляйте открытыми те, которые не были закрыты до вас. Иногда попадаются своенравные бараны, но вы заметите их раньше, чем они обратят на вас внимание.

– Спасибо, буду иметь в виду.

Незнакомец кивнул и зашагал дальше, свистнув собакам, которые, вывалив языки, бежали чуть в отдалении. Собаки прижали уши и тут же бросились на свист. Ратлидж залюбовался ими. Он любил собак, восхищался их умом и сообразительностью. Когда им приказывали, они припадали к земле, становясь почти невидимыми. В этих краях чаще встречаются не избалованные домашние любимцы, а рабочие собаки, и они замечательно несут свою службу. Особенно на северо-западе Шотландии, ведь без них с овцами не управиться. Однажды он познакомился с человеком, который дрессировал таких собак. Позже старый мошенник увез свои навыки и свой наметанный глаз в Новую Зеландию, воспитывать собак для тамошних овец.

Ратлидж вернулся к машине, завел мотор и снова направился в Данкаррик.

Он медленно проехал по главной площади, разглядывая ее. Остановившись у отеля, спросил, как добраться до полицейского участка. Портье показал ему дорогу и добавил:

– Правда, вряд ли в такое время вы кого-нибудь застанете. Инспектор Оливер уехал в Джедборо по делу, а констебль

Маккинстри дома. Сегодня у него выходной.

Ратлидж оставил машину у отеля и, следуя подробным указаниям портье, прошел короткое расстояние пешком.

Маккинстри жил недалеко от главной площади, в четырехэтажном доме, недавно покрашенном в кремовый цвет. В проходе между этим и соседним домами стояли ведра и стремянка – наверное, маляры ждали, когда снова покажется солнце. Полицейский участок находился на той же улице, через несколько домов. На двери висела аккуратная черная вывеска с белыми буквами. Как и предсказывал портье, в участке никого не оказалось. Ратлидж повернул к дому Маккинстри. На улице наблюдалась довольно бурная деятельность – строго одетые горожане спешили по своим делам. Два возчика на углу громко переговаривались, они посторонились, пропуская медленно ползущий грузовик, привезший товар в аптеку.

Хэмиш, который с интересом разглядывал городок, заметил: «Здесь хватает денег, чтобы поддерживать внешнюю благопристойность. Но никто не роскошествует. Люди здесь простые, и души у них простые».

Ратлидж решил, что вердикт вполне справедлив. Маккинстри оказался прав – в таком месте стражам порядка приходится иметь дело с обычными преступлениями. Правда, к «обычным» иногда можно причислить даже убийство...

Констебль Маккинстри, скрывая удивление при виде Рат-

лиджа на пороге, пригласил его в гостиную и затаился, ожидая, пока тот объяснит, зачем приехал, хотя в его голубовато-серых глазах сверкнула искра надежды. На нем был заляпанный краской рабочий комбинезон, несколько великоватый. Судя по всему, до войны Маккинстри был плотнее.

– Насколько я понял, инспектор Оливер сейчас в Джеборо, – начал Ратлидж, сев на стул, предложенный Маккинстри. – Давайте кое-что проясним с самого начала. Я приехал, чтобы повидаться с ним. Вы были правы, в Скотленд-Ярде мне поручили вести дело, и я должен как можно скорее ознакомиться со всеми его подробностями. Скажите, пожалуйста, когда инспектор собирался вернуться?

– До вечера не вернется, так мне сказали, сэр. По словам инспектора, он уехал по личному делу.

Или тактично старается не попадаться ему на глаза.

– Если хотите, я провожу вас к главному констеблю... – Маккинстри глянул на свой комбинезон и широко улыбнулся. – Только переоденусь.

– Нет, сначала я побеседую с Оливером. А пока я бы хотел кое-что услышать о городе и его жителях. Вы нарисовали вполне внятную картину, но теперь мне нужно знать больше.

– Я как раз пил чай, сочту за честь, если вы ко мне присоединитесь.

За чаем и пирогом с лимонным кремом, купленным в пекарне, Маккинстри говорил с большой осторожностью, стараясь смотреть на Данкаррик глазами постороннего.

– Вы приехали из Лондона, поэтому вам наш городок наверняка покажется провинциальным. Нам недостает вашей широты... Зато почти все здешние жители знают друг друга с рождения, вместе переживают трудные времена, делят радость и горе. Приходят на свадьбы, на похороны... – Он протянул Ратлиджу кусок пирога на тонкой фарфоровой тарелочке. – Я точно знаю, что, если завтра заболею, соседи принесут мне чай, суп и свежий хлеб. Постирают мое белье, принесут чистые простыни. Кто-нибудь непременно украсит мою квартиру цветами... и даст книгу для чтения. И не потому, что я констебль. Просто у нас так принято. – Маккинстри отрезал кусок пирога и себе, не спеша откусил и спохватился: – Извините, сэндвичей у меня нет...

– Все в порядке, пирога достаточно, – успокоил его Ратлидж. – Продолжайте!

Хэмиш внимательно слушал Маккинстри и комментировал его слова. Почти со всем он соглашался. «Помяни мое слово, – заметил он, – цветы ему наверняка носят девицы. Хотят понравиться».

– Но есть и другая сторона медали, сэр. Мы очень негибкие, если речь заходит о грехах. Для нас существует только черное и белое, без оттенков. Мы бываем ограниченными, мелочными. Любим совать нос в чужие дела. Мне такое только на руку, как я говорил вам в доме мистера Тревора. Я без труда могу установить, кто гонял кошку Янгов или позаимствовал лошадь у Тима Кроусера, когда тот валялся пья-

ный и ничего не соображал. Лошадь угнал Брюс Холл. Он ухаживает за одной девицей, которая живет на полпути между Данкарриком и Джедборо. Брюс терпеть не может ходить пешком, когда может проехать верхом. Но его папаша не дает ему лошадь, потому что ему не нравится девица.

– Но автора анонимных писем вы вычислить не можете. Маккинстри нахмурился и поставил чашку.

– Вот что кажется мне самым тревожным, – задумчиво ответил он. – Почему я не могу постучать в чью-то дверь и увидеть вину, написанную на лице хозяина дома? На дежурстве я обхожу улицы и заглядываю людям в глаза. Останавливаюсь, беседую с ними. Наблюдаю, как они идут по своим делам. Ни в ком я не замечаю ничего подозрительного. Я не могу ткнуть в кого-то пальцем и сказать: «Вот так ведет себя женщина, за которой есть вина».

– Почему вы так уверены, что анонимные письма писала женщина?

– А зачем мужчине страшать прачку адскими муками за то, что она стирает белье распутницы? Или предупреждать молодую мать, что ее дочка играет с незаконнорожденным и видит в пабе такое, что не предназначено для невинных детских глаз?

Хэмиш оживился, но Ратлидж отодвинул тарелку и, допив чай, заметил:

– Мужчина вполне может написать такое специально, чтобы сбить вас со следа. А может быть, он прекрасно понима-

ет, что общественное мнение в Данкаррике формируют женщины...

Лицо Маккинстри потемнело.

– Значит, он – гад и трус! Прошу прощения, сэр...

Ратлидж спросил, как развивались события, и Маккинстри приступил к подробному рассказу. На сей раз он не упускал ничего из того, что считал важным. Ратлидж внимательно слушал, обращая внимание и на сами факты, и на нюансы. После того как констебль замолчал, он похвалил его:

– Молодец!

Хэмиш, который до того молчал, заворочался у него в голове. Ратлидж какое-то время думал о своем, а затем продолжил:

– По-моему, автор анонимных писем заранее знал, что им все поверят. Идем дальше. Почему жители Данкаррика так охотно поверили письмам? Почему первый же, кто нашел такое письмо у себя на пороге, не обратился в полицию или не пошел к обвиняемой и не дал ей понять, что ему известно о ней?

Маккинстри глубоко вздохнул:

– Вы намекаете на то, что она... обвиняемая... в самом деле такая, как про нее пишут. Что не бывает дыма без огня. Но я этому не верю. Я скорее поверю, что автор писем очень тщательно выбирает адресатов. Некоторые прямо смакуют скандальные сплетни...

– Составьте, пожалуйста, список всех, кто, по их призна-

нию, получал подобные письма. Укажите, чем они занимаются. Какая у них может быть причина нелюбви к обвиняемой. Насколько хорошо они с ней знакомы.

— Хорошо, сэр. Сегодня же составлю. Прошу прощения, но... я не понимаю, как список поможет вам узнать, чьи кости нашли в горах... и при чем здесь дочь леди Мод Грей. — Маккинстри покачал головой. — Еще один повод для беспокойства!

— Да, — согласился Ратлидж. — Но, по моему опыту, там, где все так замечательно сходится, что-то не так. Сначала появились анонимные письма, которым все сразу поверили. Позже пришло еще одно письмо, его могли бросить в почтовый ящик где угодно, а не только в Глазго, несмотря на почтовый штемпель... В последнем письме автор как будто пробует выгородить обвиняемую, а на самом деле еще больше топит ее. Теперь ее обвиняют не просто в распутстве, а в убийстве. Зачем-то обыскали паб... где тоже нашли кости. Но там точно не мать мальчика. Кто же так хорошо изучил историю «Разбойников», чтобы подтолкнуть инспектора Оливера к обыску? Как бы там ни было, Оливер сразу поверил автору письма и начал искать молодых женщин, которые пропали без вести. В результате мы имеем неопознанные останки и знатную даму, чью дочь начиная с шестнадцатого года никто не видел. Теперь нам уже не до того, чтобы искать автора анонимных писем. Может быть, он как раз на это и рассчитывал?

В глазах Маккинстри появилось замешательство.

– Не совсем вас понимаю, сэр.

Зато Хэмиш прекрасно его понял. «Что за женщина сидит за решеткой – убийца, жертва или мученица?»

Когда Ратлидж уходил, Маккинстри сказал:

– Больше всего меня во всем этом деле беспокоит то, что никто не поднял руки в защиту Фионы. Никто не заступился за нее. Ни мистер Эллиот, ни мистер Робсон, ни мистер Бернс... наш прокурор-фискал. Ни инспектор Оливер. Ее как будто заранее приговорили, а на суде будет просто фарс. Ее признают виновной, и все вздохнут с облегчением: «Мы правильно поступили, что отвернулись от нее. Вот и присяжные так сказали». И правда будет похоронена вместе с ней. Вот отчего я не сплю ночами. – Он принялся загибать пальцы на правой руке: – Священник, главный констебль, прокурор-фискал, инспектор... А если она невиновна, и ее повесят?

Возвращаясь к отелю, рядом с которым он оставил машину, Ратлидж обдумывал все, что сообщил ему Маккинстри. Он невольно заинтересовался делом. Все части головоломки были ловко подогнаны друг к другу.

Как в шахматах, когда игрок заранее просчитывает ходы всех фигур на доске. В шахматы играют двое. Атака, контратака. В жизни в исходе уверенным быть нельзя...

Перед самым уходом Ратлиджа Маккинстри показал ему

копию, которую он снял с письма, присланного священнику, мистеру Эллиоту. Он прочел письмо вслух. Слушая, Ратлидж невольно подумал: было бы естественно, если бы священник, получив такое письмо, пошел к обвиняемой и попросил ее объясниться. Священник же предпочел втянуть в дело полицию, тем самым подтвердив, что и он верит зловещим наветам, услышанным от прихожан. Пожалуй, стоит пойти по этому следу...

Взяв у Маккинстри копию письма, Ратлидж пробежал текст глазами. Фразы были составлены просто и безыскусно, автор наивно пытался защитить обвиняемую, но, сам того не желая, бросал на нее тень. Бросал или бросала? Многое указывало на то, что письмо писала женщина... Если перед ним мистификация, то очень искусная. Простые слова дышали искренностью:

«До меня дошли ужасные слухи об одной молодой жительнице Данкаррика. Печально, что никто не вымолвил ни слова в ее защиту. Я потеряю место, если расскажу, как мы с ней познакомились. Ее зовут Фиона. Дело было в конце лета 1916 года. Она путешествовала с младенцем, и у нее не было для него молока. Мне еще тогда показалось, что она не может быть его матерью, и в самом деле вскоре оказалось, что мать только что скончалась, а Фиона взяла ребенка и собиралась воспитать его как своего. Мне стало грустно, потому что она была не замужем и у нее не было родных, кроме тет-

ки – старой девы. В ответ на мой вопрос, есть ли у матери родня, которая могла бы помочь, она заплакала и не стала рассказывать, как умерла бедняжка и даже где ее похоронили. Она часто повторяла, что будет хорошей матерью и никому не позволит отнять у нее младенца. Было понятно, что она очень взволнована. Она постоянно оглядывалась через плечо, как будто думала, что увидит там кого-то. Но там никого не было. Все уговоры оказались бесполезными. Меня поразила ее непоколебимая вера в то, что она сумеет воспитать бедного сироту как родного сына. Я не могу поверить в то, что она превратилась в распутницу и предала доверие, которое ей оказали. Пожалуйста, помогите ей чем можете. Неправильно, что ее так мучают. Я поверю, что Фиона убийца, не раньше, чем поверю, что она стала шлюхой...»

Ратлидж перечел письмо во второй раз и решил, что выбор фраз и выражений гораздо интереснее самого содержания.

– Вы так и не выяснили, кто его написал?

– Нет, сэр, хотя сделали все возможное. Письмо пришло из Глазго, но неизвестно, кто бросил его в почтовый ящик. Как видите, автор письма не утверждает прямо, что мать мальчика убили. Но если бы мать умерла естественной смертью, ее бы наверняка лечили, и врач известил бы родных... И сама Фиона сказала бы нам, где найти свидетелей! Мы пока не знаем, где и как родился ребенок. Фиона... обвиняемая...

молчит. Она не говорит, где похоронили его мать, если настоящая мать в самом деле умерла.

– Но ведь все случилось довольно давно. Почему главный констебль решил возбудить дело? Причиной послужило письмо... или что-то еще?

– Мне на этот вопрос так и не ответили. – Маккинстри с задумчивым видом дернул себя за мочку уха. Он и сам никогда над этим не задумывался. Приказ есть приказ.

– В конце концов, все началось с обвинений в распутстве, – продолжал Ратлидж. – На самом ли деле обвиняемая – та, за кого себя выдавала, порядочная вдова с ребенком, которого она растила в одиночку? И мистер Эллиот, когда узнал, какие о ней ходят слухи, предпочел ничего не предпринимать. Тем самым он признал, что у него есть основания верить первым письмам.

Неодобрение священника сыграло важную роль!

Маккинстри покачал головой:

– Не знаю, сэр. Главный констебль вызвал к себе инспектора Оливера, а потом инспектор Оливер приказал мне обыскать паб, что я и сделал. Я не обнаружил ничего подозрительного ни в жилом крыле, ни в пабе. Конюшня – на-дворная постройка, там все время кто-то есть, я никак не мог предположить, что там кто-нибудь решит зарыть труп, пусть даже среди ночи. Рабочие сразу заметили бы неладное. Но инспектор Оливер славится своей дотошностью, и он буквально разобрал конюшню по кирпичику. Тогда-то он и на-

шел кости за шкафом, встроенным в стену. Признаться, мы все были просто ошарашены!

– И он решил, что нашел тело матери ребенка?

– Ну да. На черепе сохранились пряди длинных волос. Меня послали за доктором Мерчисоном, и он сразу же примчался, осмотрел кости и отругал инспектора Оливера: за чем, мол, вызвал его из операционной. Кости оказались не женскими, а мужскими и пролежали на том месте уже сто лет!

Глава 8

Вернувшись на главную площадь Данкаррика, Ратлидж то и дело останавливался и разглядывал лавки и жилые дома, стоящие по обе стороны. Как верно подметил Хэмиш, местные жители производили впечатление довольно зажиточных, но не выставляли свое богатство напоказ. Разумеется, скромный паб на окраине вряд ли кому-то мешал или мог конкурировать с другими заведениями. В «Разбойниках» в базарный день останавливались приезжие попроще. Ратлидж сомневался в том, что паб мог соперничать с единственным отелем Данкаррика. Паб был предназначен совсем для другой публики, которой не по карману роскошь «Баллантайна». Да и прибыль, которую получали владельцы «Разбойников», наверняка была гораздо скромнее, чем доходы владельцев отеля и лавок на центральной площади. Паб мог худо-бедно прокормить хозяев, но они вряд ли жили на широкую ногу.

Ратлидж прогуливался по площади, наблюдая за местными жителями. Женщины входили в лавки и выходили из них, няня осторожно выкатывала из дома коляску с младенцем, какая-то женщина подметала парадное крыльцо, мальчик играл с волчком, мужчины в темных костюмах выходили из контор, другие, в рабочей одежде, несли инструменты, вереница школьниц шагала за учительницей в толстом пальто и

некрасивой шляпке.

Перед ним были самые обычные люди, они старались не смотреть в глаза идущему навстречу незнакомцу. Не выказывали любопытства по поводу его присутствия или его дел. Как будто, однажды обжегшись на молоке, дули на воду...

«А Маккинстри-то прав, – заметил Хэмиш. – Они тут люди суровые!»

Ратлидж подметил у жителей Данкаррика еще одну общую черту. Мрачные, не улыбкающие лица и тонкие, поджатые губы. Как будто жизнь была тяжелой ношей, которую они несли через силу.

Из лавки вышла женщина и украдкой покосилась на него.

Хэмиш заметил ее раньше Ратлиджа. По его мнению, она могла с таким же успехом глазеть на него и из окна. Высокая женщина, красивая своеобразной суровой красотой. Ее густые волосы были собраны на затылке в тугой пучок. На ней были темно-серые джемпер и юбка, единственным ярким пятном служила персиковая шелковая блузка.

Она нарочито внимательно осматривала растения в горшках по обе стороны от двери лавки. Ратлидж узнал герань, лаванду и маргаритки. Довольная состоянием цветов, хозяйка развернулась и быстро вошла внутрь. Он посмотрел на аккуратную вывеску над дверью: «Дамские шляпы. Э. Тейт». Запомнил название на будущее. Если владелица лавки настолько заинтересовалась незнакомцем, что вышла поглазеть на него, возможно, она любит посплетничать...

Ратлидж забрал машину со двора «Баллантайна» и проехал мимо церкви. Остановился напротив «Разбойников» и внимательно осмотрел паб. Подтверждались его первые выводы. Здание было скромным и аккуратным, едва ли паб всегда считался темным пятном на совести Данкаррика. Вряд ли там собирались отбросы местного общества и номера сдавали не пойми кому.

Приземистый и вытянутый паб, трехэтажный в самом высоком месте, принадлежал к числу старых зданий, которые сохранились благодаря тому, что никому не мешали – здесь никому не нужно было разбивать площадь, строить магазин или большой жилой дом.

Ратлидж подумал, что, когда сооружали центральную площадь Данкаррика, скорее всего, пришлось снести целую улицу домов, чтобы расширить пространство. Строители девятнадцатого века думали прежде всего о прогрессе.

И сам паб, и соседние дома, и надворные постройки нельзя было назвать ни живописными, ни уродливыми – они отличались такой же прямоотой, как и люди, которые в них жили. Только дом, стоявший на другой стороне улицы, наискосок от «Разбойников», можно было считать сооружением во всех отношениях большим. Четырехэтажное строение вытянулось к тылу, как будто разрасталось с годами, вместе с увеличением жившей там семьи. Окна оказались вполне симметричными и выполненными даже с намеком на изящество.

Приземистый паб словно вырос в землю корнями. Выгля-

дел он аккуратнo, его белили не далее чем в прошлом году. Дверь, ведущая в бар, пряталась за плетистой розой, которая разрослась за много лет и полностью закрыла крыльцо. Растение, выжившее в таком суровом климате, буйно расцвело, небольшой палисадник тоже был ухоженным и радовал взгляд. В общий зал можно было попасть сбоку, из узкого переулкa, через зеленую дверь, выходящую во внутренний дворик. На окнах висели накрахмаленные белые занавески.

Со временем, возможно, «Разбойники» превратятся в низкопробный паб на окраине, но пока пабу каким-то образом удавалось сохранить достоинство. Может быть, все дело в том, что им управляли две женщины?

«Не могу понять, за что местные жители так возненавидели девуцу с таким приданым, как паб, – заметил Хэмиш. – Казалось бы, они, наоборот, должны хотеть женить на ней своих сыновей».

Над этим вопросом тоже стоило поразмыслить. И все сводилось к одному: почему жители Данкаррика с такой готовностью объединились против одинокой молодой женщины?

Словно по наитию, Ратлидж заглушил мотор, перешел дорогу и обошел паб с тыла. Он очутился во дворе, напротив конюшни и хозяйственных построек.

Все они оказались во вполне приличном состоянии. Если вспомнить о том, что во время войны дела шли плохо, а после войны ни у кого не было денег на крупный ремонт, хозяйки хорошо справлялись со своими обязанностями.

Он заглянул в конюшню и стал искать встроенный шкаф, за которым инспектор Оливер нашел первые кости. Неожиданно раздался чей-то громкий голос:

– Эй! Вы что тут делаете?

Обернувшись, он увидел в дверях высокого широкоплечего мужчину среднего возраста. Стоял он подбоченившись и смотрел на него с откровенной неприязнью. В тени лицо его казалось темным и уродливым, но оно дышало силой.

Ратлидж, прекрасно понимая, что нарушил чужие владения, миролюбиво ответил:

– Я услышал, что паб продается.

– Еще неизвестно, продается он или нет, – проворчал здоровяк.

– Понятно. – Ратлидж обернулся, найдя, что он искал, – остатки снесенной до основания перегородки, за которой обнаружился скелет. Глубокий встроенный шкаф перегородили и спрятали за ним захоронение. Поработали на совесть – сто лет назад кто-то взял за труд замаскировать все так, чтобы все выглядело обычно, не вызывало подозрений. Вот, должно быть, удивился инспектор Оливер, когда оказалось, что труп почти ровесник «Разбойников»!

Ратлидж зашагал к здоровяку, который перегораживал ему выход. Он не выносил таких искусственных препятствий, даже в относительно просторной конюшне его сразу охватывала клаустрофобия. Ему стало душно, он начал задыхаться...

– Расскажите о владельце... – Он осекся. После того как он оказался похоронен заживо в воронке от снаряда, заполненной жидкой грязью, а сверху упало тело Хэмиша, Ратлидж не мог оставаться в закрытых помещениях. Поэтому он не ездил в поездах, не спал в маленьких комнатах и не терпел, если ему не давали пройти или спуститься по лестнице. Ему так захотелось глотнуть свежего воздуха, что стало страшно. Лицо покрылось испариной, перехватило горло. Ему показалось, что он сейчас умрет...

– Тогда вам лучше обратиться в полицию, – грубовато ответил незнакомец, но объясняться не стал. Он слегка изменил позу, и она стала намеренно угрожающей, воинственной, как будто он почуял, что Ратлиджу в его присутствии не по себе. Ратлидж невольно напрягся.

– Насколько я понимаю, хозяйка – женщина, – продолжал он, заставляя себя говорить как ни в чем не бывало. – Что она такого натворила, что ею заинтересовалась полиция?

– Вас ее дела не касаются, ясно? – Наконец-то незнакомец вышел из конюшни, и Ратлидж, тяжело дыша, последовал за ним.

«Будь он проклят! – произнес он мысленно, сражаясь с клаустрофобией, и сказал себе: – Не забывай, ради чего ты сюда приехал!»

Но и Хэмиш реагировал на агрессию незнакомца. «Интересно, – сказал он, – этот тип тоже поверил анонимным письмам? А может, он ненавидит обвиняемую?» Покосившись на

незнакомца, Ратлидж так ничего толком и не понял. На лице стоявшего перед ним человека не отражалось почти ничего, такого не просто допрашивать.

– У нее есть родственники? Наследники?

– Нету, – решительно и холодно ответил незнакомец, а затем ворчливо добавил: – Я ни о какой ее родне не знаю.

О мальчике он не упомянул. Но ведь ему ничего не достанется в наследство... не так ли?

– Тогда я поеду. – Зашагав к постоялому двору, Ратлидж чувствовал, как взгляд незнакомца прожигает ему спину между лопатками.

Если все местные так же относились к хозяйке «Разбойников», очевидно, она ухитрилась каким-то образом нажать себе здесь врагов.

Что совсем не соответствовало ее портрету, так подробно и ярко нарисованному Маккинстри.

Противоречивая женщина... и она вполне может закончить свои дни на виселице...

Вдруг Ратлидж сообразил: он даже не знает ее полного имени. Правда, ее имя и фамилия не имели особого значения, и все же косвенно это было знаком. Неясно пока, в чем она виновна – в обмане или убийстве, – но, совершив преступление, она словно перестала быть самой собой. Местные жители словно отказывали ей в праве на имя, довершая начатое еще в июне. Ее бойкотировали до тех пор, пока она не утратила связи с окружающим миром и наконец не исчезла.

Что натворила эта женщина? Почему возбудила такие темные страсти?

Странно, думал Иен, переходя тихую улочку к своей машине. Сначала злобные письма, а потом письмо священнику... как его фамилия? Эллиот... Старые останки, к которым она точно не имела отношения. Еще одни останки... Погибшая вполне могла оказаться жертвой обвиняемой. Упорство, выдержка... Что еще? Удача? Или продуманное преследование?

Скорее всего, последнее. Хэмиш согласился с ним.

Перед тем как завести мотор, Ратлидж остановился и еще раз окинул взглядом паб «Разбойники». Обвиняемая – владелица паба. Может, кто-то очень хочет его заполучить? У нее был маленький ребенок, о котором она должна была заботиться независимо от того, родной он ей или нет. Может, кому-то понадобился именно ребенок? Может, его хотели отобрать, чтобы наказать обвиняемую. Извращенная месть за настоящую или вымышленную обиду. Вот более очевидные причины для того, чтобы желать этой женщине тюрьмы, чтобы убрать ее с дороги. Может, есть и другие мотивы? Может быть, паб содержит какую-то тайну, не известную никому, кроме злоумышленников, и очень важную для них? Или в прошлом обвиняемая вольно или невольно угрожала чьему-то благополучию... Если ее повесят, ей определенно заткнут рот.

Неожиданно Ратлидж снова подумал о мальчике. Ото-

рванный от матери, от единственного известного ему дома, он вынужден жить с чужими людьми. Это жестоко, наконец!

Но почему обвиняемая не солгала ради ребенка? «У меня нет брачного свидетельства... его забрал муж, чтобы предьявить в армии...»

Почему она не уехала из Данкаррика сразу после того, как соседи ополчились на нее? Ратлиджу показалось, что он знает ответ на последний вопрос. Из-за травли количество посетителей в баре сократилось настолько, что у нее, скорее всего, просто не было денег на отъезд. На что, наверное, и рассчитывали ее враги...

Он вздрогнул, услышав за спиной женский голос:

– Вы кого-то ищете?

Ратлидж развернулся и машинально снял шляпу. Хэмиш, реагируя на его удивление, вдруг насторожился и встрепелся. Перед Ратлиджем стояла высокая и полная молодая женщина во всем черном, на вид ей можно было дать около двадцати пяти лет. Она держала за руку девочку лет шести-семи.

– Я приехал посмотреть на паб. Слышал, что его, возможно, скоро продадут.

– Сейчас еще рано судить! – Его собеседница покачала головой и зашагала к соседнему дому, возле которого Ратлидж оставил машину. Значит, соседка...

– Насколько мне известно, владелицу скоро будут судить...

– Да, – деревянным голосом ответила женщина в черном. Неожиданно Ратлидж спросил:

– Вы не знаете, как фамилия ее адвоката? Возможно, мне придется с ним потолковать.

– Фамилия его Армстронг, но он живет не здесь, не в Дан-каррике. По-моему, он приезжает из Джедборо.

Ратлидж улыбнулся девочке. Та робко улыбнулась в ответ. Может быть, она играла с мальчиком, который жил при постоялом дворе? Он не мог спрашивать ее при матери. И, как будто прочитав его мысли, девочка вдруг звонко произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.